

к. 85

0367753

И. А. КРЫЛОВ

БАСНИ

ДЕТГИЗ
1944

Иван Андреевич Крылов

К-85

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

И.А.КРЫЛОВ

1769 - 1844

Б А С Н И

Редакция
проф. Д. БЛАГОГО

Рисунки
В. СЕРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НАРКОМПРОСА РСФСР
Москва 1944 Ленинград

367753

ИВАН АНДРЕЕВИЧ КРЫЛОВ

(1769—1844)

Иван Андреевич Крылов родился через четыре года после смерти Михаила Васильевича Ломоносова.

Ломоносов был создателем русской науки и зачинателем нашей новой литературы. В то время наш книжный, литературный язык совсем не походил на тот язык, которым говорил народ. Книги обычно писались на церковнославянском языке. Ломоносов установил грамматику русского языка, широко использовал его богатства в своих произведениях. Даже в торжественных одах Ломоносова, написанных еще старинным языком, встречаются народные слова.

Русская литература после Ломоносова пошла вперед гигантскими шагами. Новые талантливые писатели продолжили его великое дело. Однако они писали только для просвещенных людей. А таких людей было в ту пору не так уж много.

Слава первого народного поэта принадлежит Крылову. Великий баснописец первый обратился со своим словом ко всему русскому народу.

Всею только полвека отделяет оды Ломоносова от басен Крылова, написанных так просто и понятно, доступных народу сейчас так же, как и тогда, когда они впервые появились.

Детство Крылова

Иван Андреевич Крылов родился в Москве. Его отец был беден. Он долго тянул солдатскую лямку и только на тринадцатом году военной службы был произведен в прапорщики — первый офицерский чин тогдашнего времени. Семья жила на одно только жалованье. Это жалованье было так мало, что его не хватало на парадное обмундирование, и, как говорит старинный документ, отец Крылова оказался «парадными вещами исправлять себя не в состоянии». Пришлось ему ехать в провинцию, в Оренбургскую губернию.

Однако и там отец Крылова прослужил недолго и вскоре, выйдя в отставку, поступил на гражданскую службу в городе Твери.

В указе об отставке отца Крылова было сказано, что он «умел читать и писать, но наукам не учился». Он понимал необходимость образования для сына, однако средств на обучение мальчика не хватало. В то время школ в Твери не было. Богатые люди для обучения своих детей нанимали учителей в дом. Сделать этого Крыловы не могли. Мальчик учился в родительском доме только грамоте.

Правда, одно время он пристроился учиться французскому языку в знакомом богатом семействе вместе с детьми хозяина. Поучиться у француза-гувернера ему удалось недолго.

На десятом году своей жизни Иван Андреевич лишился отца. В наследство ему досталась только небольшая библиотечка, лежавшая в полуразвалившемся сундуке в пыли и беспорядке.

Мать Крылова извлекла на свет эти сокровища. Желая приохотить сына к книге, она обещала давать ему награду за прилежное чтение в положенные часы.

Маленький Крылов охотно брался за книгу, усердно читал и каждый раз получал в награду два-три медяка. Скоро он пристрастился к чтению.

Чтобы мальчик не стал скрягой или не привык тратить деньги на пустяки, мать придумала очень хорошее средство: она замечала сыну, что у него порваны перчатки или изношен картуз, и советовала на свои деньги купить то или другое.

Маленький Крылов радовался, что сам может купить себе необходимые вещи, выбирал хорошие перчатки, щегольской картуз и все это очень берег.

Любовь к книге помогла Крылову самому, без школы, без учителей, стать впоследствии просвещенным человеком.

С глубокой нежностью вспоминал он всегда о своей матери. Он называл ее «первой радостью, первым счастьем своей жизни».

«Она была простая женщина, — вспоминал Крылов, — без всякого образования, но умная от природы и исполненная высоких добродетелей».

Ранняя служба

После смерти отца для семьи Крыловых настали тяжелые дни. Вдова осталась без средств с двумя сыновьями — девятилетним Иваном и его младшим братом Львом.

Она обратилась с просьбой о пенсии к самой императрице Екатерине II.

«Всемилоостивейшая государыня, — писала Крылова в прошении, — воззрите милостиво на наше несчастное состояние и, приняв во уважение двадцатисемилетнюю мужа моего беспорочную и ревностную службу, повелите на пропитание наше и на воспитание детей определить, что вашему величеству всевышний бог на сердце положит».

Это прошение, скорее всего, завалилось в какой-нибудь канцелярии, потому что пенсии семье Крыловых так и не дали.

Еще при жизни отца маленький Крылов был записан на службу подканцеляристом. Сначала он только числился на службе, как было принято в те времена. Но после смерти отца мальчику в са-

мом деле пришлось служить. Он поступил подканцеляристом в Тверской губернский суд.

Маленький Крылов рано узнал жизнь, рано столкнулся с нуждой и горем.

Страсть к чтению не покинула его. Иван Андреевич рассказывал, что начальник его был человек грубый и сердитый. Он не только бранил его за чтение как за пустое и бесполезное занятие, но иногда, застав за книгой, даже бил.

Переезд в Петербург

Мать Крылова решила переехать с детьми в Петербург. Большой город произвел сильное впечатление на любознательного мальчика.

Крыловы поселились в той части города, где квартировал Измайловский полк. Маленькие домики с цветами на окнах, огороды, гуси и куры, ходившие по улице, заросшей травой, — все это напоминало Тверь. Но стоило пройти несколько кварталов, и открывалась прямая линия Невского проспекта с большими домами и дворцами вельмож.

На Сенатской площади высился «Медный всадник», памятник Петру Первому, воспетый впоследствии Пушкиным. Рядом с Зимним дворцом построен был Эрмитаж, где помещались картинная галерея и придворный театр.

Это была столица государства, центр образованности и культуры.

Увлечение театром и первые пьесы

В Петербурге Крылов поступил канцеляристом в Казенную палату. Но не о службе думал четырнадцатилетний мальчик. Его привлекали литература, театр. Крылов приехал в Петербург в год, когда в столице первый раз была поставлена комедия Фонвизина «Недоросль».

Театром тогда были увлечены все — от императрицы до мелких чиновников.

В учреждении чиновники между делами спорили о пьесах, оценивали игру актеров. Это даже дало повод высмеять увлечение театром со сцены. Так, в комедии «Смешное собрание» один из тогдашних драматургов вывел канцеляриста Чернилина, который из-за театра совершенно отбил от дела, за что и был уволен со службы.

Крылов стал не только поклонником театра, но и драматургом. Четырнадцатилетний мальчик написал пьесу. Это была комическая опера «Кофейница». В «Кофейнице» просто, без прикрас, изображена тогдашняя деревенская жизнь.

Молодой автор проявил редкую наблюдательность и трезвость мысли. Щеголиха-барыня, ворожея, которая гадает на кофейной гуще, плутоватый приказчик — верные, хотя и грубовато сделанные портреты людей той эпохи.

Крылов видел в жизни не только смешное. В своей первой пьесе

се он изобличает страшное зло тогдашней России — крепостное право. Голос его смел и резок. Видно не только знакомство автора с народным бытом, но и желание его разоблачить жестоких помещиков, вступить за народ.

Крылов продал свою «Кофейницу» одному книжному торговцу и издателю. Свой первый гонорар — шестьдесят рублей — он получил книгами.

Успех ободрил молодого автора. Он стал писать трагедию.

Свою трагедию Крылов понес актеру Дмитревскому. Это был ближайший товарищ основателя русского театра Волкова, учитель нескольких поколений актеров, очень образованный человек, сам писавший драмы, оперы и комедии. Этот старый артист считался лучшим судьей; сам Фонвизин исправил по его совету несколько мест в своем «Недоросле».

Дмитревский нашел, что трагедия Крылова плоха, разобрал ее недостатки.

Неудача не обескуражила Крылова. Он написал еще одну трагедию, потом стал писать комедии.

Крылов написал более десяти пьес. Некоторые его пьесы ставились на сцене и пользовались большим успехом, другие только печатались, третьи Крылов так и не опубликовал. Благодаря своим пьесам Крылов приобрел известность, вошел в мир артистов и литераторов.

Крылов-журналист

Когда Крылову было всего двадцать лет, он стал издавать журнал «Почта дѹхов».

Каким же было направление этого журнала и чего в нем добивался Крылов?

Лучшие люди России стали в то время приглядываться к тому, что произошло с их страной. Страна стала велика и могущественна. Это их радовало. Но народ был беден и бесправен. Это их печалило.

Лучшие люди хотели, чтобы их родина была великим и могущественным государством, со свободным и образованным народом. Наиболее передовые из них — Новиков, Радищев — писали об этом в сатирических, обличительных журналах.

Сатирическим, обличительным был и основанный Крыловым журнал «Почта дѹхов». С большой смелостью выступил в нем Крылов против сильных и богатых. Он изобличал неправедных судей и чиновников. Он громил помещиков, которые разоряли своих крестьян.

Крылов видел, что русское высшее общество предпочитает все иностранное, особенно французское. Он боролся за родной язык, против рабского перенимания чужого.

Крылов шел по следам Новикова и Радищева. Он проявил упорство, мужество и независимость духа. Когда пришлось прекратить издание журнала «Почта дѹхов», он стал выпускать журнал «Зритель», затем «Санктпетербургский Меркурий».

Но Радищев был сослан в Сибирь, а Новиков посажен в Шлиссельбургскую крепость. В типографии, которую Крылов основал с

товарищами в 1791 году, был произведен обыск. Крылов понял, что его ожидает участь Новикова и Радищева.

В 1794 году Крылова уже нет в столице. Он уезжает в провинцию, чтобы скрыться с глаз правительства. С этого времени для Крылова начинаются годы скитаний. То он служит в небольшом городе, то живет у знакомых в деревне. Имя его редко появляется в печати.

Крылов-баснописец

В 1806 году Крылов вернулся в Петербург. При проезде через Москву он показал писателю Дмитриеву три свои басни. Дмитриев, который пользовался тогда славой лучшего баснописца, пришел от них в восторг.

— Наконец, — сказал он Крылову, — вы нашли свой истинный путь.

Крылов тогда же написал две лучшие свои комедии — «Модная лавка» и «Урок дочкам». Они шли на сцене и пользовались успехом. Во время представления «Модной лавки» театр был всегда полон, и хохот не умолкал. Крылов написал также оперу «Илья Богатырь», которую поставили с необычайной пышностью. Но за поздалее театральные успехи не прельстили Крылова. Он понял, что его истинное призвание — басня.

Басни Крылова одна за другой стали появляться в журналах.

Писатель начал свою новую деятельность переводами французского баснописца Лафонтена. Но свежесть его таланта была такова, что переведенные им басни воспринимались, как новые. Они затмили те переводы, которые были сделаны до него. А первые оригинальные басни Крылова — «Музыканты», «Ларчик» — сразу же показали, как велик его талант.

В 1809 году в первый раз вышли отдельным изданием двадцать три басни Крылова. Никогда еще ни одна книжка на Руси не имела такого успеха. По этой книжке стали учиться грамоте дети. Она была одинаково доступна вельможе и ремесленнику, чиновнику и крестьянину.

Крылов стал знаменитым баснописцем. К нему пришла слава. Появились первые переводы его басен на иностранные языки.

Крылов стал часто выступать на литературных вечерах. Свои басни он читал обычно под конец литературного вечера, потому что после него редко кто решался выступать.

Как-то раз Крылов приехал на заседание литературного общества «Беседы любителей русского слова». На заседании читали очень длинную повесть. Публика устала и с нетерпением ждала конца. Крылов сел в свое кресло.

— Иван Андреевич, привезли что-нибудь? — спросил у него через стол председатель.

— Привез.

— Пожалуйста мне.

— А вот уж после.

Крылов не торопится. Наконец повесть кончена. Иван Андреевич вытаскивает из кармана своего сюртука помятый листок и начинает читать знаменитую «Демьянову уху». Публика настораживается. Вот и мораль басни:

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
 Но если помолчать во время не умеешь
 И ближнего ушей ты не жалеешь,
 То ведай, что твой и проза и стихи
 Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Все смеются, все понимают, что автор длинной повести угощал сейчас собравшихся Демьяновой ухой.

Крылов и Отечественная война

В 1812 году над Россией нависла грозная опасность. В июне армия Наполеона перешла Неман и вторглась в пределы России. На защиту родины встал весь русский народ. Словом и делом, оружием и пером ее защищали и поэты.

Молодой Пушкин, еще сидевший на школьной скамье, вместе с товарищами с волнением следил за всеми событиями войны, как участник, переживал каждую победу или поражение:

Вы помните, текла за ратью рать,
 Со старшими мы братьями прощались
 И в сень наук с досадой возвращались.
 Завидуя тому, кто умирать
 Шел мимо нас.

Если Пушкин и его молодые сверстники не могли принять участие в сражениях, то многие писатели старшего поколения с оружием в руках стали в ряды защитников отечества.

Поэт Жуковский вступил в народное ополчение. Поэт Батюшков вместе с армией прошел весь путь до Парижа. Партизан и поэт Денис Давыдов боролся с врагами саблей и пером.

Свой талант отдал на службу Отечественной войне и Крылов.

Главкомандующим русской армией был назначен Михаил Илларионович Кутузов, любимец народа, водивший русские полки еще под знаменами Суворова.

Чтобы обессилить и истощить врага, Кутузов отступал. Армия Наполеона слабела, русская армия крепла. Это не все тогда понимали. Многие ругали Кутузова за медлительность. Крылов гениальным чутьем понял план великого полководца. Его басни направлены в защиту Кутузова. Вот, например, басня «Обоз»:

С горшками шел обоз,
 И надобно с крутой горы спускаться.
 Вот, на горе других оставя дожидаться,
 Хозяин стал сводить легонько первый воз.
 Конь добрый на крестце почти его понес,
 Катиться возу не давая;
 А лошадь сверху, молодая,
 Ругает бедного коня за каждый шаг...

Конец этой басни мы знаем. Молодая лошадь по камням, рывинам пустилась вскачь —

и с возом — бух в кавалу!

«Конь добрый» — это Кутузов. А «лошадь молодая» — его противники. Это было ясно современникам.

Особенную известность в народе получила басня Крылова «Волк на псарне». О каком же событии в ней рассказывается?

Заняв Москву, Наполеон понял, что попал в ловушку. Он отправил из Москвы в Петербург два письма императору Александру I, в которых ясно сквозило, что завоеватель жаждет мира, хотя еще избегает прямо просить о нем.

Не получив ответа, Наполеон послал письмо в ставку Кутузова и передал ему желание «положить предел несогласиям между двумя великими народами».

Посол вернулся с пустыми руками.

Эту неудачную попытку заключить мир и высмеял Крылов в басне «Волк на псарне».

Наполеон изображен в басне серым волком. Прославленный серый походный сюртук Наполеона напоминал цветом волчью шерсть. Кутузов изображен старым, опытным ловчим.

Волк, пойманный на псарне, пускается в переговоры:

«Друзья! к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, устроим общий лад!»

Совсем как Наполеон, который в письме о мире писал: «Пора положить предел кровопролитию...», «Мне нечего у вас делать...» и т. д.

Но ловчий прерывает волка:

«Ты сер, а я, приятель, сед,
И Волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».

Крылов собственной рукой переписал басню «Волк на псарне» и послал ее Кутузову.

Кутузов прочитал ее после сражения под Красным собравшимся вокруг него офицерам и при словах:

«Ты сер, а я, приятель, сед»,

снял фуражку и потряс своей обнаженной седой головой.

Басни Крылова во время Отечественной войны читала вся Россия. В образах, простых и доступных, он делал смешным врага, поднимал авторитет Кутузова в глазах армии и народа.

Так горячая любовь к родине вдохновила Крылова на великие произведения, которые русский народ любит и ценит сейчас так же, как и во время нашествия Наполеона.

Дома и среди друзей

В январе 1812 года Крылов поступил на службу в Публичную библиотеку. Товарищами его по работе были выдающиеся русские писатели: Гнедич — переводчик «Илиады», Дельвиг — поэт, друг Пушкина, Загоскин — романист и драматург. Вскоре Крылов и поселился в здании библиотеки. Здесь он прожил и прослужил до глубокой старости, добрых три десятка лет.

Крылов занимал в здании библиотеки три светлые комнаты, но

пользовался чаще одной — маленькой угольной комнаткой, выходящей окнами на Невский проспект. Форточка в соседней зале была всегда открыта. Крылов кормил зернами голубей, и они привыкли залетать к нему с Гостиного двора.

Служба была необременительна для Крылова. Библиотека только что открылась, и посетителей было не так уж много.

Жизнь Крылова становится небогата внешними событиями. Он уходит в себя, чтобы сосредоточить силы и способности на деле своей жизни — на своих баснях.

Не надо думать, что басни писал он легко, играючи. Они получались легкие, запоминающиеся именно потому, что в них было вложено много труда. Каждую басню Крылов переделывал много раз. Никогда не торопился он печататься. Слава и почет заставляли его только строже относиться к своей работе.

Природа дала Крылову богатые способности. Он был хороший рисовальщик, прекрасно играл на скрипке и даже выступал на концертах любителей музыки. Крылову легко давались иностранные языки. Он хорошо говорил по-французски и по-итальянски.

На старости лет, без посторонней помощи, скрывая от приятелей, он изучил древнегреческий язык, чтобы читать в оригинале Эзопа, своего любимого баснописца.

Крылов был одинокий человек, он остался холостяком на всю жизнь. Но у него был дом, где его принимали, как родного. Это был дом Оленина — директора библиотеки. У Олениных бывали писатели — Пушкин, Карамзин, Жуковский, Загоскин, художники Кипренский и Брюллов, актеры, музыканты, ученые. Здесь читали новые стихотворения, обсуждали новые книги.

Крылов в этом доме был своим человеком. У него тут даже было свое кресло. Хозяйка, добрейшая женщина, называла своего частого гостя «Крылышком». Дом Олениных заменял одинокому Крылову семью. Он отдыхал здесь в кругу поклонников и друзей.

О чем рассказывает Крылов в своих баснях

В своих баснях Крылов делает то же дело, что и раньше в журналах. В сценах из мира животных он рисует недостатки русской жизни и тонкой насмешкой выражает свое к ним отношение.

Под видом коварных и хитрых Лисиц, хищных и ненасытных Волков Крылов выводит в баснях взяточников, воров, неправедных судей («Щука», «Лисица и Сурок», «Слон на воеводстве», «Крестьянин и Овца»).

Он показывает, что царь, знать, чиновники угнетают народ, издеваются над ним.

Например, в басне «Мирская сходка» Лев назначает Волка в овечьи старосты.

В басне «Мор зверей» не Лев, не хищные звери, а смиренный Вол отвечает за бедствие, постигшее звериное царство.

В басне «Волки и Овцы» правительство зверей, чтобы спасти Овечек от Волков, придумывает такой закон:

«Как скоро Волк у стада забуняит
И обижать он Овцу станет,

То Волка тут властвя Овца,
 Не разбираючи лица,
 Схватить за шиворот и в суд тотчас представить
 В соседний лес иль в бор».

Своими баснями великий писатель учит всех — от простых людей до тех, кто управляет государством. Он за народ, за угнетенных, за тех, кто трудится.

Бессильному не смейся
 И слабого обидеть не моги! —

пишет Крылов в басне «Лев и Комар».

Труженики — основа жизни, по Крылову, корни, питающие ее. В басне «Листы и Корни» Корни говорят Листьям:

«Красуйтесь в добрый час!
 Да только помните ту разницу меж нас:
 Что с новою весной лист новый народится;
 А если корень иссушится,
 Не станет дерева, ни вас».

Всякий труд почетен. В басне «Орел и Пчела» мудрый баснописец учит:

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
 Ему и то уж силы придает,
 Что подвигов его свидетель целый свет.
 Но сколь и тот почетен, кто, в низости сокрытый,
 За все труды, за весь потерянный покой
 Ни славою, ни почестями не льстится
 И мыслью оживлен одной:
 Что к пользе общей он трудится.

Своими баснями Крылов старается перевоспитать людей, высмеивает общечеловеческие пороки. В одном стихотворении он прямо признается:

Люблю где случай есть, пороки пошпиать.

Невежество и тупоумие, лъстивость и лживость, самонадеянность и беспечность, тщеславие и самохвалство, зависть и неблагодарность — все эти пороки осмеяны Крыловым в десятках басен.

Басни Крылова глубоко народны. Гоголь называет их «достоинством народным», «книгой мудрости самого народа».

Волшебник слова

Басни Крылова легки и поэтичны. Каждая из них — это маленькая драма, с действующими лицами, очерченными ясно и просто, иной раз двумя-тремя словами. Великий русский критик Белинский пишет:

«...у Крылова всякое животное имеет свой индивидуальный характер — и проказница мартышка, участвует ли она в квартете, ворочает ли из трудолюбия чурбан, или примеривает очки, чтобы уметь читать книги; и лисица у него везде хитрая, уклончивая, бессовестная и больше похожая на человека, чем на лисицу с пушком на рыльце; и косолапый мишка, везде добродушно честный, неповоротливо сильный; лев — грозно могучий, величественно страшный».

Для своих басен Крылов нашел удивительный язык, каким до него не говорили русские поэты. Он прислушивался к языку своего народа, меткому и выразительному, из неиссякаемого источника народной речи пригоршнями черпал отдельные словечки и обороты, пословицы и поговорки. Живая разговорная речь естественно и свободно ложится у него в точный размер стихов. Крылов — волшебник слова.

Прислушайтесь к стихам в басне «Пустынник и Медведь». Жуковский пишет, что в этой басне «стихи летают вместе с мухой». Медленными, длинными стихами рассказывает Крылов о том, как Мишка собирался убить муху у Пустынника на лбу:

Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть —

А тут следует быстрое полустипение:

хватя друга камнем в лоб!

«Это молния, — пишет Жуковский. — Это удар! Вот истинная живопись, и какая противоположность последней картины с первою!»

Многие выражения Крылова так образны, в короткой фразе содержат такую законченную мысль, что сами стали пословицами, вошли в живую речь народа.

«Услужливый дурак опаснее врага» («Пустынник и Медведь»),

«А Васька слушает да ест» («Кот и Повар»),

«А Ларчик просто открывался» («Ларчик»),

«Слона-то я и не приметил» («Любопытный»)

и многие другие крыловские словечки и изречения живут и поныне в нашей речи.

Так басни Крылова «вошли, — как пишет Тургенев, — в национальную народную жизнь, т. е. возвратились к своему первоначальному источнику».

Крылов и молодые поэты

Крылов прожил долгую жизнь. Он стал писателем на заре новой русской литературы, когда гремела слава Ломоносова, Фонвизина и Державина. Он пережил небывалый расцвет русской литературы, проводил в могилу двух гениев русской поэзии — Пушкина и Лермонтова.

Крылова всегда привлекало то свежее, новое, что приносили в русскую поэзию его молодые товарищи. Когда один критик, любитель старины, встретил бранью «Руслана и Людмилу», Крылов написал в защиту молодого Пушкина эпиграмму:

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал Руслана и Людмилы.
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

И молодое поколение признавало Крылова своим. Пушкин, Грибоедов, Дельвиг высоко ценили Крылова.

Пушкин называл Крылова «во всех отношениях самым народным нашим поэтом», он находил, что «Крылов превзошел всех нам известных баснописцев».

Грибоедов по приезде в Петербург в 1824 году именно Крылову читал свою комедию «Горе от ума».

Адам Мицкевич, великий польский поэт, лично знакомый с Крыловым, восхищался его талантом и остроумием.

Лучшие люди России, поэты-декабристы, сосланные в снега Сибири, следили за творчеством Крылова. Один из них, поэт Кюхельбекер, друг Пушкина, записал в своем дневнике в год смерти Крылова:

«Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина. Крылову я говорил, что он первый поэт России и никак этого не понимает. Потом я доказывал преважно ту же тему Пушкину. Грибоедова, самого Пушкина и себя я называл учениками Крылова... Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов и я, даже Пушкин, точно обязаны своим слогом Крылову».

В этих словах полнее всего выражено значение Крылова для русских поэтов.

**

Крылов умер 9 (21) ноября 1844 года.

В 1855 году по всенародной подписке ему поставлен памятник в Петербурге, в Летнем саду.

Басни Крылова читали и учили наши прадеды и деды. Со школьной скамьи мы учимся по ним родному языку.

Басни Крылова переведены больше чем на пятьдесят языков. Великого русского баснописца знает весь мир.

И. Халтурин

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На гу беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, — Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,
При красоте такой, и петь ты мастерица,
Ведь ты б у нас была царь-птица!»
Вещунья с похвал вскружилась голова,
От радости в зобу дыханье сперло, —
И на приветливы Лисицыны слова
Ворона каркнула во все воронье горло:
Сыр выпал — с ним была плутовка такова.

МУЗЫКАНТЫ

Сосед соседа звал откушать;
 Но умысел другой тут был:
 Хозяин музыку любил
 И заманил к себе соседа певчих слушать.
 Запели молодцы: кто в лес, кто по дрова
 И у кого что силы стало.
 В ушах у гостя затрещало
 И закружилась голова.
 «Помилуй ты меня», сказал он с удивленьем:
 «Чем любоваться тут? Твой хор
 Горланит вздор!»
 — «То правда», отвечал хозяин с умиленьем:
 «Они немножечко дерут,
 Зато уж в рот хмельного не берут,
 И все с прекрасным поведением».

А я скажу: по мне уж лучше пей,
 Да дело разумеи.

БОРОНА И КУРИЦА

Когда Смоленский князь,
 Противу дерзости искусством вооружась,
 Вандалам новым сеть поставил
 И на погибель им Москву оставил:
 Тогда все жители, и малый и большой,
 Часа не тратя, собралися
 И вон из стен московских поднялися,
 Как из улья пчелиный рой.
 Ворона с кровли тут на эту всю тревогу
 Спокойно, чистя нос, глядит.
 «А ты что ж, кумушка, в дорогу?»
 Ей с возу Курица кричит:
 «Ведь говорят, что у порогу
 Наш супостат».
 — «Мне что до этого за дело?»
 Вещунья ей в ответ: «Я здесь останусь смело.
 Вот ваши сестры как хотят;
 А ведь Ворон ни жарят, ни варят:
 Так мне с гостями немудрено ужиться,
 А может быть, еще удастся поживиться
 Сырком, иль косточкой, иль чем-нибудь.
 Прощай, хохлаточка, счастливый путь!»
 Ворона подлинно осталась;
 Но вместо всех поживок ей.
 Как голодом морить Смоленский стал гостей —
 Она сама к ним в суп попалась.

*Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!»*

Так часто человек в расчетах слеп и глуп.
 За счастьем, кажется, ты по пятам несешься:
 А как на деле с ним сочтешься —
 Попался, как ворона в суп!

ЛАРЧИК

Случается нередко нам
 И труд и мудрость видеть там,
 Где сто́ит только догадаться,
 За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
 Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
 Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался.
 Вот входит в комнату механики мудрец.
 Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом;
 Так; он и без замка;
 А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
 Не смейтесь так исподтишка!
 Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
 В механике и я чего-нибудь да стою».
 Вот за Ларец принялся он:
 Вертит его со всех сторон
 И голову свою ломает;
 То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.
 Тут, глядя на него, иной
 Качает головой;
 Те шепчутся, а те смеются меж собой.
 В ушах лишь только отдается:
 «Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвется.
 Потел, потел, но наконец устал,
 От Ларчика отстал
 И как открыть его, никак не догадался:
 А Ларчик просто открывался.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

Лягушка, на лугу увидевши Вола,
 Затеяла сама в дородстве с ним сравняться:
 Она завистлива была.
 И ну топорщиться, пыхтеть и надуваться.
 «Смотри-ка, квакушка, что́, буду ль я с него?»

Подруге говорит. «Нет, кумушка, далёко!»
 — «Гляди же, как теперь раздуюсь я широко.
 Ну, каково?
 Пополнилась ли я?» — «Почти что ничего».
 — «Ну, как теперь?» — «Всё то ж». Пыхтела да пыхтела
 И кончила моя затейница на том,
 Что, не сравнившись с Волом,
 С натуги лопнула — и околела.

РАЗБОРЧИВАЯ НЕВЕСТА

Невеста-девушка смышляла жениха:
 Тут нет еще греха,¹
 Да вот что грех: она была спесива.
 Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен,
 И в лентах, и в чести, и молод был бы он
 (Красавица была немножко прихотлива):
 Ну, чтобы все имел — кто ж может все иметь?
 Еще и то заметь:
 Чтобы любить ее, а ревновать не сметь.
 Хоть чудно, только так была она счастлива,
 Что женихи, как на отбор,
 Презнатные катили к ней на двор.
 Но в выборе ее и вкус и мысли тонки:
 Такие женихи другим невестам клад,
 А ей они на взгляд —
 Не женихи, а женишонки!
 Ну как ей выбирать из этих женихов?
 Тот не в чинах, другой без орденов;
 А тот бы и в чинах, да, жаль, карманы пусты;
 То нос широк, то брови густы;
 Тут этак, там не так;
 Ну, не придет никто по мысли ей никак.
 Посмолкли женихи; годка два перепали,
 Другие новых свах заслали,
 Да только женихи средней уж руки.
 «Какие простаки!»
 Твердит красавица: «по них ли я невеста?»
 Ну, право, их затей не у места!
 И не таких я женихов
 С двора с поклоном проводила;
 Пойду ль я за кого из этих чудаков?
 Как будто б я себя замужеством торопила;
 Мне жизнь девическа ничуть не тяжела:
 День весела, и ночь я, право, сплю спокойно;
 Так замуж кинуться ничуть мне не пристойно».
 Толпа и эта уплыла.
 Потом, отказы слыша те же,

Уж стали женихи наворачиваться реже.
 Проходит год —
 Никто нейдет;
 Еще минул годок, еще уплыл год целый —
 К ней свах никто не шлет.
 Вот наша девушка уж стала девою зрелой,
 Зачнет считать своих подруг
 (А ей считать большой досуг):
 Та замужем давно, другую сговорили;
 Ее как будто позабыли.
 Закралась грусть в красавицыну грудь.
 Посмотришь: зеркало докладывать ей стало,
 Что каждый день, а что-нибудь
 Из прелестей ее лихое время крало.
 Сперва румянца нет; там живости в глазах;
 Умильны ямочки пропали на щеках;
 Веселость, резвости как будто ускользнули;
 Там волоска два-три седые проглянули:
 Беда со всех сторон!
 Бывало без нее собранье не прелестно;
 От пленников ее вокруг ней бывало тесно;
 А ныне, ах! ее зовут уж на бостон!
 Вот тут спесивица переменяет тон.
 Рассудок ей велит замужством торопиться:
 Перестает она гордиться.
 Как косо на мужчин девица ни глядит,
 А сердце ей за нас всегда свое твердит.
 Чтоб в одиночестве не кончить веку,
 Красавица, пока совсем не отцвела,
 За первого, кто к ней присватался, пошла;
 И рада, рада уж была,
 Что вышла за калеку.

П А Р Н А С

Когда из Греции вон выгнали богов
 И по мирянам их делить поместья стали,
 Кому-то и Парнас тогда отмежевали;
 Хозяин новый стал пасти на нем Ослов.
 Ослы, не знаю как-то, знали,
 Что прежде Музы тут живали,
 И говорят: «Недаром нас
 Пригнали на Парнас:
 Знать, Музы свету надоели
 И хочет он, чтоб мы здесь пели».
 — «Смотрите же», кричит один: «не унывай!
 Я затяну, а вы не отставай!
 Друзья, робеть не надо!
 Прославим наше стадо

И громче девяти сестер
 Подыдем музыку и свой составим хор!
 А чтобы нашего не сбили с толку братства,
 То заведем такой порядок мы у нас:
 Коль нет в чьем голосе ослиного приятия,
 Не принимать тех на Парнас». —
 Одобрили Ослы ослово
 Красно-хитро-сплетенно слово;
 И новый хор певцов такую дичь занес,
 Как будто тронулся обоз,
 В котором тысяча немазанных колес.
 Но чем окончилось разно-красиво пенье?
 Хозяин, потеряв терпенье,
 Их всех загнал с Парнаса в хлев.

Мне хочется, невеждам не во гнев,
 Весьма старинное напомнить мне: —
 Что если голова пуста,
 То голове ума не придадут места.

О РАКУЛ

В каком-то капище был деревянный бог,
 И стал он говорить пророчески ответы
 И мудрые давать ссветы.
 За то, от головы до ног
 Обвешан и серебром и златом,
 Стоял в наряде пребогатом,
 Завален жертвами, мольбами заглушён
 И фимнамом задушён.
 В Оракула все верят слепо;
 Как вдруг — о чудо, о позор! —
 Заговорил Оракул вздор:
 Стал отвечать нескладно и нелепо;
 И кто к нему зачем ни подойдет,
 Оракул наш что молвит, то соврет;
 Ну так, что всякий дивовался,
 Куда пророческий в нем дар девался!
 А дело в том,
 Что идол был пустой и саживались в нем
 Жрецы вещать мирянам.
 Итак,
 Пока был умный жрец, кумир не путал врак;
 А как засел в него дурак,
 То идол стал болван-болваном.

Я слышал — правда ль? — будто встарь
 Судей таких видали,
 Которые весьма умны бывали,
 Пока у них был умный секретарь.

РОЩА И ОГОНЬ

С разбором выбирай друзей.
 Когда корысть себя личиной дружбы кроет,
 Она тебе лишь яму роет.
 Чтоб эту истину понять еще ясней,
 Послушай басенки моей.

Зимою Огонек под Рощей тлился;
 Как видно, тут он был дорожными забыт.
 Час от часу Огонь слабее становился;
 Дров новых нет; Огонь мой чуть горит
 И, видя свой конец, так Роще говорит:

«Скажи мне, Роща дорогая!

За что твоя так участь жестока,
 Что на тебе не видно ни листка
 И мерзнешь ты совсем нагая?»

— «Затем, что вся в снегу,

Зимой ни зеленеть, ни цвести я не могу»,
 Огню так Роща отвечает.

«Безделица!» Огонь ей продолжает:

«Лишь подружись со мной; тебе я помогу.

Я солнцев брат и зимнею порою

Чудес не меньше солнца строю.

Спроси в теплицах об Огне:

Зимой, когда кругом и снег и вьюга веет,

Там все или цветет, иль зреет:

А все за все спасибо мне.

Хвалить себя хоть не пристало

И хвастовства я не люблю,

Но солнцу в силе я никак не уступлю.

Как здесь оно спесиво ни блистало.

Но без вреда снегам спустилось на ночлег.

А около меня, смотри, как тает снег.

Так если зеленеть желаешь ты зимою,

Как летом и весною,

Дай у себя мне уголок!»

Вот дело слажено: уж в Роще Огонек

Становится Огнем, Огонь не дремлет:

Бежит по ветвям, по сучкам;

Клубами черный дым несется к облакам,

И пламя лютое всю Рощу вдруг объемлет.

Погибло все вконец, — и там, где в знойны дни

Прохожий находил убежище в тени,
Лишь обгорелые пеньки стоят одни.
И нечему дивиться:
Как дереву с огнем дружиться?

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим,
Но мы истории не пишем,
А вот о том как в баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье

Мое

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву».

— «Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью

От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу».

— «Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!»

— «Помилуй, мне еще и от роду нет году»,
Ягненок говорит. «Так это был твой брат».

— «Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват,
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И если можете, то мне всегда вредите;

Но я с тобой за их разведуюсь грехи».

— «Ах, я чем виноват?» — «Молчи! Устал я слушать.

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал — и в темный лес Ягненка поволок.

ОБЕЗЬЯНЫ

Когда перенимать с умом, тогда не чудо
И пользу от того сыскать;
А без ума перенимать —
И, боже сохрани, как худо!
Я приведу пример тому из дальних стран.
Кто Обезьян видал, те знают,
Как жадно всё они перенимают.
Так в Африке, где много Обезьян,
Их стая целая сидела
По сучьям, по ветвям на дереве густом
И на ловца украдкою глядела,
Как по траве в сетях катался он кругом.
Подруга каждая тут тихо толк подругу,
И шепчут все друг другу:
«Смотрите-ка на удальца;
Затеям у него так, право, нет конца:
То кувыркнется,
То развернется,
То весь в комок
Он так сберется,
Что не видать ни рук, ни ног.
Уж мы ль на все не мастерицы,
А этого у нас искусства не видать!
Красавицы-сестрицы!
Не худо бы нам это перенять.
Он, кажется, себя довольно позабавил;
Авось, уйдет, тогда мы тотчас...» Глядь,
Он подлинно ушел и сети им оставил.
«Что ж», говорят они: «и время нам терять?
Пойдем-ка попытаться!»
Красавицы сошли. Для дорогих гостей
Разостлано внизу премножество сетей.
Ну в них они кувыркаться, кататься,
И кутаться, и завиваться;
Кричат, визжат — веселье хоть куда!
Да вот беда,
Когда пришло из сети выдираться!
Хозяин между тем стерег
И, видя, что пора, идет к гостям с мешками;
Они — чтоб наутек,
Да уж никто распутаться не мог:
И всех их побрали руками.

С И Н И Ц А

Синица на море пустилась:
 Она хвалилась,
 Что хочет море сжечь.
 Расславилась тотчас о том по свету речь.
 Страх обнял жителей Нептуновой столицы;
 Летят стадами птицы;
 А звери из лесов сбегаются смотреть,
 Как будет океан и жарко ли гореть.
 И даже, говорят, на слух молвы крылатой
 Охотники таскаться по пирам
 Из первых с ложками явились к берегам,
 Чтоб похлебать ухи такой богатой,
 Какой-де откупщик, и самый тароватый,
 Не даывал секретарям.
 Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
 Молчит и, на море глаза уставя, ждет;
 Лишь изредка иной шепнет:
 «Вот закипит, вот тотчас загорится!»
 Не тут-то: море не горит.
 Кипит ли хоть? — И не кипит.
 И чем же кончились затеи величавы?
 Синица со стыдом всвояси уплыла;
 Наделала Синица славы,
 А моря не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
 Но ничьего не трогая лица,
 Что делом, не сведя конца,
 Не надобно хвалиться.

О С Е Л

Когда вселенную Юпитер населял
 И заводил различных тварей племя,
 То и Осел тогда на свет попал.
 Но с умыслу ль или имея дел беремя,
 В такое хлопотливо время
 Тучегонитель оплошал:
 А вылился Осел почти как белка мал.
 Осла никто почти не примечал,
 Хоть в спеси никому Осел не уступал.
 Ослу хотелось бы повеличаться;
 Но чем? — имея рост такой,
 И в свете стыдно показаться.
 Пристал к Юпитеру Осел спесивый мой
 И росту стал просить большого.

*Очков с полдюжины себе она достала;
Вертит очками так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет:
Очки не действуют никак.*

«Помилуй», говорит: «как можно это снести?
 Львам, барсам и слонам везде такая честь;
 Притом, с великого и до меньшого,
 Всё речь о них лишь да о них;
 За что ж к Ослам ты столько лих,
 Что им честей нет никаких
 И об Ослах никто ни слова?
 А если б ростом я с телят только был,
 То спеси бы со львов и с барсов я посбил,
 И весь бы свет о мне заговорил».
 Что день, то снова
 Осел мой то ж Зевесу пел;
 И до того он надоел,
 Что наконец моления Ослова
 Послушался Зевес:
 И стал Осел скотиной превеликой;
 А сверх того ему такой дан голос дикий,
 Что мой ушастый Геркулес
 Пораспугал было весь лес.
 «Что то за зверь? Какого роду?
 Чай, он зубаст? Рогов, чай, нет числа?»
 Ну только и речей пошло, что про Осла.
 Но чем все кончилось? Не минуло и году,
 Как все узнали, кто Осел:
 Осел мой глупостью в половицу вошел,
 И на Осле уж возят воду.

В породе и в чинах высота хороша;
 Но что в ней прибыли, когда низка душа?

МАРТЫШКА И ОЧКИ

Мартышка к старости слаба глазами стала;
 А у людей она слыхала,
 Что это зло еще не так большой руки:
 Лишь стоит завести очки.
 Очков с полдюжины себе она достала;
 Вертит очками так и сяк:
 То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
 То их понюхает, то их полижет:
 Очки не действуют никак.
 «Тьфу пропасть!» говорит она: «и тот дурак,
 Кто слушает людских всех врак:
 Всё про очки лишь мне нагали;
 А проку на волос нет в них».
 Мартышка тут с досады и с печали
 О камень такхватила их,
 Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
 Как ни полезна вещь, — цены не зная ей,
 Невежда про нее свой толк все к худу клонит;
 А ежели невежда познатней,
 Так он ее еще и гонит.

ОРЕЛ И КУРЫ

Желая светлым днем вполне налюбоваться
 Орел поднебесью летал
 И там гулял,
 Где молнии родятся.
 Спустившись наконец из облачных вышин,
 Царь-птица отдыхать садится на овин.
 Хоть это для Орла насесток незавидный,
 Но у царей свои причуды есть:
 Быть может, он хотел овину сделать честь
 Иль не было вблизи, ему по чину сесть,
 Ни дуба, ни скалы гранитной;
 Не знаю, что за мысль, но только что Орел
 Не много посидел
 И тут же на другой овин перелетел.
 Увидя то, хохлатая наседка
 Толкует так с своей кумой:
 «За что Орлы в чести такой?
 Неужли за полет, голубушка соседка?
 Ну, право, если захочу,
 С овина на овин и я перелечу.
 Не будем же вперед такие дуры,
 Чтоб почитать Орлов знатнее нас.
 Не больше нашего у них ни ног, ни глаз;
 Да ты же видела сейчас,
 Что понизу они летают так, как куры».
 Орел отвечает, наскуча вздором тем:
 «Ты права, только не совсем:
 Орлам случается и ниже кур спускаться,
 Но курам никогда до облак не подняться!»

Когда таланты судишь ты,
 Считать их слабости трудов не трать напрасно,
 Но, чувствуя, что в них и сильно и прекрасно,
 Умей различны их постигнуть высоты.

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩИЕ ЦАРЯ

Лягушкам стало не угодно
 Правление народно,
 И показалось им совсем не благородно
 Без службы и на воле жить.
 Чтоб горю пособить,
 То стали у богов Царя они просить.
 Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно,
 На сей, однакож, раз послушал их Зевес:
 Дал им Царя. Летит к ним с шумом Царь с небес,
 И плотно так он треснулся на царство,
 Что ходенем пошло трясино государство,
 Со всех Лягушки ног
 В испуге пометались,
 Кто как успел, куда кто мог,
 И шопотом Царю по кельям дивовались.
 И подлинно, что Царь надиво был им дан:
 Не суетлив, не вертопрашен,
 Степенен, молчалив и важен;
 Дородством, ростом великан,
 Ну посмотреть, так это чудо!
 Одно в Царе лишь было худо:
 Царь этот был осиновый чурбан.
 Сначала, чтя его особу превысоку,
 Не смеет подступить из подданных никто:
 Со страхом на него глядят они, и то
 Украдкой, издали, сквозь аир и осоку;
 Но так как в свете чуда нет,
 К которому б не пригляделся свет,
 То и они сперва от страху отдохнули,
 Потом к Царю подползть с преданностью дерзнули:
 Сперва перед Царем ничком;
 А там, кто посмелей, дай сесть к нему бочком;
 Дай попытаться сесть с ним рядом;
 А там, которые еще поудалей,
 К Царю садятся уж и задом.
 Царь терпит все по милости своей.
 Немного погодя, посмотришь, кто захочет,
 Тот на него и вскочит.
 В три дня наскучило с таким Царем житье.
 Лягушки новое челобитьё,
 Чтоб им Юпитер в их болотную державу
 Дал подлинно Царя на славу!
 Молитвам теплым их внемля,
 Послал Юпитер к ним на царство Журавля.
 Царь этот не чурбан, совсем иного нраву:
 Не любит баловать народа своего;
 Он виноватых ест; а на суде его
 Нет правых никого;
 Зато уж у него,

Что завтрак, что обед, что ужин — то расправа.
 На жителей болот
 Приходит черный год.
 В Лягушках каждый день великий недочет.
 С утра до вечера их Царь по царству ходит
 И всякого, кого ни встретит он,
 Тотчас засудит — и проглотит.
 Вот пуше прежнего и кваканье и стон,
 Чтоб им Юпитер снова
 Пожаловал Царя иного;
 Что нынешний их Царь глотает их, как мух;
 Что даже им нельзя (как это ни ужасно!)
 Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;
 Что, наконец, их Царь тошнее им засух.
 «Почто ж вы прежде жить счастливо не умели?
 Не мне ль, безумные», вещал им с неба глас,
 «Покоя не было от вас?
 Не вы ли о Царе мне уши прошумели?
 Вам дан был Царь? — так тот был слишком тих:
 Вы взбунтовались в вашей луже;
 Другой вам дан — так этот очень лих:
 Живите ж с ним, чтоб не было вам хуже!»

ЛЕВ И БАРС

Когда-то, встарину,
 Лев с Барсом вел предолгую войну
 За спорные леса, за дебри, за вертепы.
 Судиться по правам — не тот у них был нрав:
 Да сильные ж в правах бывают часто слепы.
 У них на это свой устав:
 Кто одолеет, тот и прав.
 Однако, наконец, не вечно ж драться —
 И когти притупятся:
 Герои по правам решились разобраться;
 Намерились дела военны прекратить,
 Окончить все раздоры,
 Потом, как водится, мир вечный заключить
 До первой ссоры.
 «Назначим же скорей
 Мы от себя секретарей»,
 Льву предлагает Барс: «и как их ум рассудит,
 Пусть так и будет.
 Я, например, к тому определю kota:
 Зверек хоть неказист, да совесть в нем чиста;
 А ты осла назначь: он знатного же чина,
 И, к слову молвить здесь,

Куда он у тебя завидная скотина!
 Поверь, как другу, мне: совет и двор твой весь
 Его копытца вряд ли стоят.
 Положимся ж на том,
 На чем
 С моим котишком он устроит».
 И Лев мысль Барса утвердил
 Без спору;
 Но только не осла — лисицу нарядил
 Он от себя для этого разбору,
 Примолвя про себя (как видно, знал он свет):
 «Кого нам хвалит враг, в том, верно, проку нет».

МОР ЗВЕРЕЙ

Лютейший бич небес, природы ужас — мор
 Свирепствует в лесах. Уныли звери;
 В ад распахнулись настезь двери:
 Смерть рыщет по полям, по рвам, по высям гор;
 Везде разметаны ее свирепства жертвы:
 Неумолимая, как сено, косит их;
 А те, которые в живых,
 Смерть видя на носу, чуть бродят полумертвы:
 Перевернул совсем их страх,
 Те ж звери, да не те в великих столь бедáх:
 Не давит волк овец и смирен, как монах;
 Мир курам дав, лиса постится в подземелье:
 Им и еда на ум нейдет.
 С голубкой голубь врознь живет,
 Любви в помине больше нет:
 А без любви какое уж веселье?
 В сем горе на совет зверей сзывает Лев.
 Тащатся шаг-за-шаг, чуть держатся в них души.
 Сбредлись и в тишине, царя вокруг обсев,
 Уставили глаза и приложили уши.
 «О други!» начал Лев: «по множеству грехов
 Подпали мы под сильный гнев богов;
 Так тот из нас, кто всех виновен боле,
 Пускай по доброй воле
 Отдаст себя на жертву им!
 Быть может, что богам мы этим угодим
 И теплое усердье нашей веры
 Смягчит жестокость гнева их.
 Кому не ведомо из вас, друзей моих,
 Что добровольных жертв таких
 Бывали многие в истории примеры?
 Итак, смиря свой дух,

Пусть исповедует здесь всякий вслух,
 В чем погрешил когда он вольно иль невольно.
 Покаемся, мои друзья!
 Ох, признаюсь — хоть это мне и больно, —
 Неправ и я!
 Овечек бедненьких — за что? — совсем безвинно
 Дирал бесчинно;
 А иногда — кто без греха? —
 Случалось, драл и пастуха:
 И в жертву предаюсь охотно.
 Но лучше б нам сперва всем вместе перечесть
 Свои грехи: на ком их боле есть,
 Того бы в жертву и принести, —
 И было бы богам то более угодно».

— «О царь наш, добрый царь! От лишней доброты»,
 Лисица говорит: «в грех это ставишь ты.
 Коль робкой совести во всем мы станем слушать,
 То придет с голоду пропасть нам наконец;
 Притом же, наш отец!
 Поверь, что это честь большая для овец,
 Когда ты их изволишь кушать.
 А что до пастухов, мы все здесь бьем челом:
 Их чаще так учить — им это поделом.
 Бесхвостый этот род лишь глупой спесью дышит
 И нашими себя везде царями пишет».

Окончила Лиса; за ней, на тот же лад,
 Лыстецы Льву то же говорят,
 И всякий доказать спешит наперехват,
 Что даже не в чем Льву просить и отпущенья.
 За Львом Медведь, и Тигр, и Волки в свой черед
 Во весь народ
 Поведали свои смиренно погрешенья;
 Но их безбожных самых дел
 Никто и шевелить не смел.
 И все, кто были тут богаты
 Иль когтем, иль зубком, те вышли вон
 Со всех сторон
 Не только правы, чуть не святы.
 В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
 Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
 Нам были худы,
 На грех меня лукавый натолкнул:
 Ни от кого себе найти не могли ссуды,
 Из стога у попа я клоч сенца стянул».

При сих словах поднялся шум и толки;
 Кричат Медведи, Тигры, Волки:
 «Смотри, злодей какой!
 Чужое сено есть! Ну диво ли, что боги
 За беззаконие его к нам столько строги?
 Его, бесчинника, с рогатой головой,
 Его принести богам за все его проказы,
 Чтоб и телá нам спасти и нравы от заразы!
 Так, по его грехам у нас и мор такой!»

Приговорили —
И на костер Вола взвалили.

И в людях так же говорят:
Кто посмирней, так тот и виноват.

СОБАЧЬЯ ДРУЖБА

У кухни под окном
На солнышке Полкан с Барбосом, лежа, грелись.
Хоть у ворот перед двором
Пристойнее б стеречь им было дом,
Но как они уж понаелись, —
И вежливые ж псы притом
Ни на кого не лают днем, —
Так рассуждать они пустились вдвоем
О всякой всячине: о их собачьей службе,
О хude, о добре и, наконец, о дружбе.
«Что может», говорит Полкан, «приятней быть,
Как с другом сердце к сердцу жить;
Во всем оказывать взаимную услугу;
Не спать без друга и не съесть,
Стоять горой за дружню шерсть
И, наконец, в глаза глядеть друг другу,
Чтоб только улучшить счастливый час,
Нельзя ли друга чем потешить, позабавить,
И в дружном счастье все свое блаженство ставить!
Вот если б, например, с тобой у нас
Такая дружба завелась:
Скажу я смело,
Мы б и не видели, как время бы летело».
— «А что же? это дело!»
Барбос отвечает ему:
«Давно, Полканушка, мне больно самому,
Что, бывши одного двора с тобой собаки,
Мы дня не проживем без драки;
И из чего? Спасибо господам:
Ни голодно, ни тесно нам!
Притом же, право, стыдно:
Пес дружества слывет примером с давних дней;
А дружбы между псов, как будто меж людей,
Почти совсем не видно».
— «Явим же в ней пример мы в наши времена»,
Вскричал Полкан: «дай лапу!» — «Вот она!»
И новые друзья ну обниматься,
Ну целоваться;
Не знают с радости, к кому и приравняться:
«Орест мой!» — «Мой Пилад!» Прочь свары, зависть, злость!

Тут повар на беду из кухни кинул кость.
 Вот новые друзья к ней взапуски несутся.
 Где делся и совет и лад?
 С Пиладом мой Орест грызутся, —
 Лишь только клочья вверх летят;
 Насилу наконец их розлили водою.

Свет полон дружбою такою.
 Про нынешних друзей лъзя молвить, не греша,
 Что в дружбе все они едва ль не одинаки:
 Послушать, кажется одна у них душа, —
 А только кинь им кость, так что твои собаки!

РАЗДЕЛ

Имея общий дом и общую контору,
 Какие-то честные торгаши
 Наторговали денег гору;
 Окончили торги и делят барыши.
 Но в дележе когда без спору?
 Заводят шум они за деньги, за товар, —
 Как вдруг кричат, что в доме их пожар.
 «Скорей, скорей спасайте
 Товары вы и дом!»
 Кричит один из них: «ступайте,
 А счета после мы сведем!»
 — «Мне только тысячу мою сперва добавьте»,
 Шумит другой:
 «Я с места не сойду долой».
 — «Мне две не додано, а вот тут счета ясны!»
 Еще один кричит. «Нет, нет, мы не согласны!
 Да как, за что и почему?»
 Забывши, что пожар в дому,
 Проказники тут до того шумели,
 Что захватило их в дыму
 И все они со всем добром своим сгорели.

В делах, которые гораздо поважней,
 Нередко от того погибель всем бывает,
 Что чем бы общую беду встречать дружной,
 Всяк споры затевает
 О выгоде своей.

*В свой ряд смиренный Вол им так мычит: «И мы
Грешны. Тому лет пять, когда зимой кормы
    Нам были худы,
    На грех меня лукавый натолкнул:
Ни от кого себе найти не могли ссуды,
Из стога у попа я клок сенца стянул».*

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
 Попал на псарню.
 Поднялся вдруг весь псарный двор.
 Почуя серого так близко забияку,
 Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
 Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
 И вмиг ворота на запор;
 В минуту псарня стала адом.
 Бегут: иной с дубьем,
 Иной с ружьем.
 «Огня!» кричат: «огня!» Пришли с огнем.
 Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
 Зубами шелкая и ощетиня шерсть,
 Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть:
 Но, видя то, что тут не перед стадом
 И что приходит наконец
 Ему расчесться за овец,
 Пустился мой хитрец
 В переговоры
 И начал так: «Друзья! к чему весь этот шум?
 Я, ваш старинный сват и кум,
 Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
 Забудем прошлое, оставим общий лад!
 А я не только впредь не трону здешних стад,
 Но сам за них с другими грызться рад
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я...» — «Послушай-ка, сосед»,
 Тут ловчий перервал в ответ:
 «Ты сер, а я, приятель, сед,
 И Волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычай мой:
 С волками иначе не делать мировой,
 Как снявши шкуру с них долой».
 И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

РУЧЕЙ

Пастух у ручейка пел жалобно, в тоске,
 Свою беду и свой урон невозвратимый:
 Ягненок у него любимый
 Недавно утонул в реке.
 Услыша пастуха, Ручей журчит сердито:
 «Река несытая! что если б дно твое
 Так было, как мое,
 Для всех и ясно и открыто
 И всякий видел бы на тинистом сем дне

Все жертвы, кои ты столь алчно поглотила?
 Я чай бы, со стыда ты землю сквозь прорыла
 И в темных пропастях себя сокрыла.
 Мне кажется, когда бы мне
 Дала судьба обильные столь воды,
 Я, украшеньем став природы,
 Не сделал курице бы зла:
 Как осторожно бы вода моя текла
 И мимо хижинки и каждого кусточка!
 Благословляли бы меня лишь берега,
 И я бы освежал долины и луга,
 Но с них бы не унес листочка.
 Ну, словом, делая путем моим добро,
 Не приключая нигде ни бед, ни горя,
 Вода моя до самого бы моря
 Так докатилась чиста, как серебро».

Так говорил Ручей, так думал в самом деле.
 И что ж? Не минуло недели,
 Как туча ливная над ближнею горой
 Расселась:
 Богатством вод Ручей сравнялся вдруг с рекой;
 Но, ах! куда в Ручье смиренность делась!
 Ручей из берегов бьет мутною водой,
 Кипит, ревет, крутит нечисту пену в клубы.
 Столетние валяет дубы,
 Лишь трески слышны вдалеке;
 И самый тот пастух, за коего реке
 Пенял недавно он таким кудрявым складом,
 Погиб со всем своим в нем стадом,
 А хижины его пропали и следы.

Как много ручейков текут так смирно, гладко
 И так журчат для сердца сладко
 Лишь только оттого, что мало в них воды!

ЛИСИЦА И СУРОК

«Куда так, кумушка, бежишь ты без оглядки?»
 Лисицу спрашивал Сурок.
 «Ох, мой голубчик-куманек!
 Терплю напраслину и выслана за взятки.
 Ты знаешь, я была в курятнике судьей,
 Утратила в делах здоровье и покой,
 В трудах куска не доедала,
 Ночей не досыпала —
 И я ж за то под гнев подпала;
 А все по клеветам. Ну сам подумай ты:
 Кто ж будет в мире прав, коль слушать клеветы?»

Мне взятки брать? да разве я взбешуся!
Ну видывал ли ты, я на тебя пошлюся,
Чтоб этому была причастна я греху?
Подумай, вспомни хорошенько». —
«Нет, кумушка; а видывал частенько,
Что рыльце у тебя в пуху».

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает:
И подлинно, весь город знает,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку.
Теперь, как у него приход с расходом свесть,
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть.

ПРОХОЖИЕ И СОБАКИ

Шли два приятеля вечернею порой
И дельный разговор вели между собой,
Как вдруг из подворотни
Дворняжка тявкнула на них;
За ней другая, там еще две-три, и вмиг
Со всех дворов Собак сбежалось с полсотни.
Один было уже Прохожий камень взял.
«И, полно, братец!» тут другой ему сказал:
«Собак ты не уймешь от лаю,
Лишь пуше всю раздражишь стаю;
Пойдем вперед: я их натуру лучше знаю».
И подлинно, прошли шагов десятков пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало наконец совсем их не слышать.

Завистники, на что ни взглянут,
Подымут вечно лай;
А ты себе своей дорожкой ступай:
Полают да отстанут.

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Попрыгунья Стрекоза
 Лето красное пропела;
 Оглянуться не успела,
 Как зима катит в глаза.
 Помертвело чисто поле;
 Нет уж дней тех светлых боле,
 Как под каждым ей листком
 Был готов и стол и дом.
 Все прошло: с зимой холодной
 Нужда, голод настает;
 Стрекоза уж не поет:
 И кому же в ум пойдет
 На желудок петь голодный!
 Злой тоской удручена,
 К Муравью ползет она:
 «Не оставь меня, кум милый!
 Дай ты мне собраться с силой
 И до вешних только дней
 Прокорми и обогрей!»
 — «Кумушка, мне странно это:
 Да работала ль ты в лето?»
 Говорит ей Муравей.
 «До того ль, голубчик, было?
 В мягких муравах у нас
 Песни, резвость всякий час,
 Так что голову вскружило».
 — «А, так ты...» — «Я без души
 Лето целое все пела».
 — «Ты все пела? Это дело:
 Так поди же, попляши!»

Л Ж Е Ц

Из дальних странствий возвратясь,
 Какой-то дворянин (а может быть, и князь),
 С приятелем своим пешком гуляя в поле,
 Расхвастался о том, где он бывал,
 И к былям небылиц без счету прилыгал.
 «Нет», говорит, «что я видал,
 Того уж не увижу боле.
 Что здесь у вас за край?
 То холодно, то очень жарко,
 То солнце спрячется, то светит слишком ярко.
 Вот там-то прямо рай!
 И вспомнишь, так душе отрада!
 Ни шуб, ни свеч совсем не надо:

Не знаешь век: что есть ночная тень,
И круглый божий год все видишь майский день.

Никто там ни садит, ни сеет;

А если б посмотрел, что там растет и зреет!
Вот в Риме, например, я видел огурец:

Ах, мой творец!

И по сию не вспомнюсь пору!

Поверишь ли? ну, право, был он с гору».

«Что за диковина!» приятель отвечал:

«На свете чудеса рассеяны повсюду;

Да не везде их всякий примечал.

Мы сами вот теперь подходим к чуду,

Какого ты нигде, конечно, не встречал,

И я в том спорить буду.

Вон, видишь ли через реку тот мост,

Куда нам путь лежит? Он с виду хоть и просг,

А свойство чудное имеет:

Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет:

До половины не дойдет —

Провалится и в воду упадет;

Но кто не лжет,

Ступай по нем, пожалуй, хоть в карете».

— «А какова у вас река?»

— «Да не мелка.

Так видишь ли, мой друг, чего-то нет на свете!

Хоть римский огурец велик, нет спору в том,

Ведь с гору, кажется, ты так сказал о нем?»

— «Гора хоть не гора, но, право, будет с дом».

— «Поверить трудно!

Однакож, как ни чудно,

А все чудён и мост, по коем мы пойдем,

Что он Лжеца никак не подымает;

И нынешней еще весной

С него обрушились (весь город это знает)

Два журналиста да портной.

Бесспорно, огурец и с дом величиной

Диковинка, коль это справедливо».

— «Ну, не такое еще диво;

Ведь надо знать, как вещи есть:

Не думай, что везде по-нашему хоромы;

Что там за дóмы:

В один двоим за нúжду влезть,

И то ни стать, ни сесть!»

— «Пусть так, но все признаться должно,

Что огурец не грех за диво счесть,

В котором двум усесться можно.

Однакож мост-ат наш каков,

Что лгун не сделает на нем пяти шагов,

Как тотчас в воду!

Хоть римский твой и чуден огурец...»

— «Послушай-ка», тут перервал мой Лжец:

«Чем на мост нам итти, поищем лучше броду».

ОРЕЛ И ПЧЕЛА

Счастлив, кто на чреде трудится знаменитой:
 Ему и то уж силы придает,
 Что подвигов его свидетель целый свет.
 Но сколь и тот почтен, кто, в низости сокрытый,
 За все труды, за весь потерянный покой
 Ни славою, ни почестями не льстится
 И мыслью оживлен одной:
 Что к пользе общей он трудится.

Увидя, как Пчела хлопочет вокруг цветка,
 Сказал Орел однажды ей с презреньем:
 «Как ты, бедняжка, мне жалка
 Со всей твоей работой и с умением!
 Вас в улье тысячи все лето лепят сот:
 Да кто же после разберет
 И отличит твои работы?
 Я, право, не пойму охоты:
 Трудиться целый век, и что ж иметь в виду?
 Безвестной умереть со всеми наряду!
 Какая разница меж нами!
 Когда, расширися шумящими крылами,
 Ношуся я под облаками,
 То всюду засеваю страх:
 Не смеют от земли пернатые подняться,
 Не дремлют пастухи при тучных их стадах;
 Ни лани быстрые не смеют на полях,
 Меня завидя, показаться».

Пчела отвечает: «Тебе хвала и честь!
 Да прбдлит над тобой Зевес свои щедроты!
 А я, родясь труды для общей пользы несть,
 Не отличать ишу свои работы,
 Но утешаюсь тем, на наши смóтря соты,
 Что в них и моего хоть капля меду есть».

ЗАЯЦ НА ЛОВЛЕ

Большой собравшись гурьбой,
 Медведя звери изловили;
 На чистом поле задавили
 И делят меж собой,
 Кто что себе достанет.
 А Заяц за ушкó медвежье тут же тянет.
 «Ба, ты, косой»,
 Кричат ему: «пожаловал отколе?
 Тебя никто на ловле не видал».
 — «Вот, братцы!» Заяц отвечал:

«Да из лесу-то кто ж? — все я его пугал
 И к вам поставил прямо в поле
 Сердечного дружка!»
 Такое хвастовство хоть слишком было явно,
 Но показалось так забавно,
 Что Зайцу дан клочок медвежьего ушка.

Над хвастунами хоть смеются,
 А часто в дележе им доли достаются.

ЩУКА И КОТ

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
 А сапоги тачать пирожник:
 И дело не пойдет на лад,
 Да и примечено стократ,
 Что кто за ремесло чужое браться любит,
 Тот всегда других упрямей и вздорней:
 Он лучше дело всё погубит
 И рад скорей
 Посмешищем стать света,
 Чем у честных и знающих людей
 Спросить или выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло
 За кошачье приняться ремесло.
 Не знаю: завистью ль ее лукавый мучил,
 Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?
 Но только вздумала Кота она просить,
 Чтоб взял ее с собой он на охоту,
 Мышей в амбаре половить.
 «Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу?»
 Стал Щуке Васька говорить:
 «Смотри, кума, чтобы не осрамиться:
 Недаром говорится,
 Что дело мастера боится».
 — «И, полно, куманек! Вот невидаль: мышей!
 Мы лавливали и ершей».
 — «Так в добрый час, пойдем!» Пошли, засели.
 Натешился, наелся Кот,
 И кумушку проведать он идет;
 А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот,
 И крысы хвост у ней отъели.
 Тут, видя, что куме совсем не в силу труд,
 Кум замертво стащил ее обратно в пруд.
 И дельно! Это, Щука,
 Тебе наука:
 Вперед умнее быть
 И за мышами не ходить.

ВОЛК И КУКУШКА

«Прощай, соседка!» Волк Кукушке говорил:
 «Напрасно я себя покоем здесь манил!
 Все те ж у вас и люди и собаки:
 Один другого злей; и хоть ты ангел будь,
 Так не минуешь с ними драки».
 — «А далеко ль соседу путь?
 И где такой народ благочестивый,
 С которым думаешь ты жить в ладу?»
 — «О, я прямехонько иду
 В леса Аркадии счастливой.
 Соседка, то-то сторона!
 Там, говорят, не знают, что война;
 Как агнцы, кротки человеки,
 И молоком текут там реки;
 Ну, словом, царствуют златые времена!
 Как братья, все друг с другом поступают,
 И даже, говорят, собаки там не лают,
 Не только не кусают.
 Скажи ж сама, голубка, мне,
 Не мило ль, даже и во сне,
 Себя в краю таком увидеть тихом?
 Прости! не поминай нас лихом!
 Уж то-то там мы заживем —
 В ладу, в довольстве, в неге!
 Не так, как здесь: ходи с оглядкой днем
 И не засни спокойно на ночлеге».
 — «Счастливый путь, сосед мой дорогой!»
 Кукушка говорит: «а свой ты нрав и зубы
 Здесь кинешь иль возьмешь с собой?»
 — «Уж кинуть, вздор какой!»
 — «Так вспомни же меня, что быть тебе без шубы».

Чем нравом кто дурней,
 Тем более кричит и ропщет на людей:
 Не видит добрых он, куда ни обернется,
 А первый сам ни с кем не уживется.

ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖНОЕ ЗЕРНО

Навозну кучу разрывая,
 Петух нашел Жемчужное Зерно
 И говорит: «Куда оно?
 Какая вещь пустая!
 Не глупо ль, что его высоко так ценят?
 А я бы, право, был гораздо боле рад

Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.

Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно».

Невежи судят точно так:
В чем толку не поймут, то все у них пустяк.

КРЕСТЬЯНИН И РАБОТНИК

Когда у нас беда над головой,
То рады мы тому молиться,
Кто вздумает за нас вступиться;
Но только с плеч беда долой,
То избавителю от нас же часто худо:
Все взапуски его ценят;
И если он у нас не виноват,
Так это чудо!

Старик-Крестьянин с Батраком
Шел под вечер леском
Домой, в деревню, с сенокосу,
И повстречали вдруг медведя носом к носу.
Крестьянин ахнуть не успел,
Как на него медведь насел.
Подмял Крестьянина, ворочает, ломает
И, где б его почать, лишь место выбирает:
Конец приходит старику.
«Степанушка родной, не выдай, милый!»
Из-под медведя он взмолился Батраку.
Вот новый Геркулес, со всей собравшись силой,
Что только было в нем,
Отнес полчерепа медведю топором
И брюхо проколол ему железной вилой.
Медведь взревел и замертво упал:
Медведь мой издыхает.
Прошла беда; Крестьянин встал,
И он же Батрака ругает.
Опешил бедный мой Степан.
«Помилуй», говорит: «за что?» — «За что, болван!
Чему обрадовался сдуру?
Знай колет: всю испортил шкуру!»

ОБОЗ

С горшками шел обоз,
 И надобно с крутой горы спускаться.
 Вот, на горе других оставя дожидаться,
 Хозяин стал сводить легонько первый воз
 Конь добрый на крестце почти его понес,
 Катиться возу не давая;
 А лошадь сверху, молодая,
 Ругает бедного коня за каждый шаг:
 «Ай конь хваленый, то-то диво!
 Смотрите: лепится, как рак;
 Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!
 Смелее! вот толчок опять:
 А тут бы влево лишь принять.
 Какой осел! Добро бы было в гору
 Или в ночную пору;
 А то и под-гору и днем!
 Смотреть, так выйдешь из терпенья!
 Уж воду бы таскал, коль нет в тебе умения!
 Гляди-тко нас, как мы махнем!
 Не бойсь, минуты не потратим,
 И возик свой мы не свезем, а скатим!»
 Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,
 Тронулася лошадка с возом в путь;
 Но только под-гору она перевалилась,
 Воз начал напирать, телега раскатилась:
 Коня толкает взад, коня кидает вбок;
 Пустился конь со всех четырех ног
 Наславу;
 По камням, рытвинам, пошли толчки.
 Скачки,
 Левей, левей, и с возом — бух в канаву!
 Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:
 Все кажется в другом ошибкой нам;
 А примешься за дело сам,
 Так напроказишь вдвое хуже.

ВОРОНЕНОК

Орел
 Из-под небес на стадо налетел
 И выхватил ягненка,
 А Ворон молодой вблизи на то смотрел.
 Взманило это Вороненка,
 Да только думает он так: «Уж брать, так брать,

А то и когти что марать!
Бывают и орлы, как видно, плоховаты.
Ну только ль в стаде что ягняты?
Вот я как захочу
Да налечу,
Так царский подлинно кусочек подхвачу!»
Тут Ворон поднялся над стадом,
Окинул стадо жадным взглядом:
Из множества ягнят, баранов и овец
Высматривал, сличал и выбрал наконец
Барана, да какого?
Прежирного, прематерого,
Который доброму б и волку был в подъем.
Издавсь, на него спустился
И в шерсть ему что силы есть вцепился.
Тогда-то он узнал, что добычь не по нем.
Что хуже и всего, так на баране том
Тулуп такой был прекосматый,
Густой, всклокоченный, хохлагый,
Что из него когтей не вытеребил вон
Затейник наш крылатый
И кончил подвиг тем, что сам попал в полон.
С барана пастухи его чинненько сняли;
А чтобы он не мог летать,
Ему все крылья окарнали
И детям отдали играть.

Нередко у людей то ж самое бывает,
Коль мелкий плут
Большому плуту подражает:
Что сходит с рук вора, за то воришек бьют.

С Л О Н Н А В О Е В О Д С Т В Е

Кто знатен и силен,
Да не умен,
Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.
Хоть, кажется, слонов и умная порода,
Однакоже в семье не без урода:
Наш Воевода
В родню был толст,
Да не в родню был прост;
А с умыслу он мухи не обидит.
Вот добрый Воевода видит:
Вступило от овец прошение в Приказ:
«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас».

— «О плуты!» Слон кричит: «какое преступленье!
 Кто грабить дал вам позволение?»
 А волки говорят: «Помилуй, наш отец!
 Не ты ль нам к зиме на тулуны
 Позволил легонький оброк собрать с овец?
 А что они кричат, так овцы глупы:
 Всего-то придет с них с сестры по шкурке снять,
 Да и того им жаль отдать».

— «Ну то-то ж», говорит им Слон: «смотрите!
 Неправды я не потерплю ни в ком:
 По шкурке, так и быть, возьмите;
 А больше их не троньте волоском».

ОСЕЛ И СОЛОВЕЙ

Осел увидел Соловья
 И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
 Ты, сказывают, петь великий мастерище:
 Хотел бы очень я
 Сам посудить, твое услышав пенье,
 Велико ль подлинно твое уменье?»
 Тут Соловей являть свое искусство стал:
 Защелкал, засвистал
 На тысячу ладов, тянул, переливался;
 То нежно он ослабевал
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался.
 Внимало все тогда
 Любимцу и певцу Авроры;
 Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
 И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
 И только иногда,
 Внимая Соловью, пастушке улыбался.
 Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом,
 «Изрядно», говорит: «сказать нележно,
 Тебя без скуки слушать можно;
 А жаль, что незнаком
 Ты с нашим петухом:
 Еще б ты боле наострился,
 Когда бы у него немножко поучился».
 Услыша суд такой, мой бедный Соловей
 Вспорхнул — и полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от этаких судей.

ОТКУПЩИК И САПОЖНИК

Богатый Откупщик в хоромах пышных жил,
 Ел сладко, вкусно пил;
 По всякий день давал пиры, банкеты;
 Сокровищ у него нет сметы;
 В дому сластей и вин, чего ни пожелай, —
 Всего с избытком, через край.
 И, словом, кажется, в его хоромах рай.
 Одним лишь Откупщик страдает,
 Что он не досыпает.
 Уж божьего ль боится он суда,
 Иль просто трусит разориться,
 Да только все ему некрепко как-то спится.
 А сверх того, хоть иногда
 Он вздремлет на заре, так новая беда:
 Бог дал ему певца, соседа.
 С ним из окна в окно жил в хижине бедняк
 Сапожник, но такой певун и весельчак,
 Что с утренней зари и до обеда,
 С обеда до ночи безумолку поет
 И богачу заснуть никак он не дает.
 Как быть и как с соседом сладить,
 Чтоб от пенья его отвадить?
 Велеть молчать: так власти нет;
 Просил: так просьба не берет.
 Придумал наконец и за соседом шлет.
 Пришел сосед.
 «Приятель дорогой, здорово!»
 — «Челом вам бьем за ласковое слово».
 — «Ну что, брат, каково делишки, Клим, идут?»
 (В ком нужда, уж того мы знаем, как зовут.)
 — «Делишки, барин? Да не худо!»
 — «Так оттого-то ты так весел, так поешь?
 Ты, стало, счастливо живешь?»
 — «На бога грех роптать, и что ж за чудо?
 Работою завален я всегда;
 Хозяйка у меня добра и молода.
 А с доброю женой, кто этого не знает,
 Живется как-то веселей».
 — «И деньги есть!» — «Ну нет, хоть лишних не бывает,
 Зато нет лишних и затей».
 — «Итак, мой друг, ты быть богаче не желаешь?»
 — «Я этого не говорю;
 Хоть бога и за то, что есть, благодарю,
 Но сам ты, барин, знаешь,
 Что человек, пока живет,
 Все хочет более: таков уж здешний свет.
 Я чай, ведь и тебе твоих сокровищ мало;
 И мне бы быть богачей не мешало».
 — «Ты дело говоришь, дружок:
 Хоть при богатстве нам есть также неприятства,
 Хоть говорят, что бедность не порок,

Но все уж коль терпеть, так лучше от богатства.
 Возьми же: вот тебе рублевиков мешок;
 Ты мне за правду полюбился.
 Поди: дай бог, чтоб ты с моей руки разжился.
 Смотри, лишь промотать сих денег не моги,
 И к нужде их ты береги!
 Пятьсот рублей тут верным счетом.
 Прощай!» Сапожник мой,
 Схватя мешок, скорей домой
 Не бегом — летом;
 Примчал гостинец под полой
 И той же ночи в подземелье
 Зарыл мешок — и с ним свое веселье!
 Не только песен нет, куда девался сон
 (Узнал бессонницу и он!);
 Все подозрительно, и все его тревожит:
 Чуть ночью кошка заскребет,
 Ему уж кажется, что вор к нему идет:
 Похолодеет весь и ухо он приложит.
 Ну, словом, жизнь пошла, хоть кинуться в реку.
 Сапожник бился, бился,
 И наконец за ум хватился;
 Бежит с мешком к Откупщику
 И говорит: «Спасибо на приятстве;
 Вот твой мешок, возьми его назад:
 Я до него не знал, как худо спят.
 Живи ты при своем богатстве;
 А мне, за песни и за сон,
 Не надобен ни миллион».

КРЕСТЬЯНИН В БЕДЕ

К Крестьянину на двор
 Залез осенней ночью вор;
 Забрался в клеть и на просторе.
 Обшаря стены все и пол и потолок,
 Покрал бессовестно, что мог:
 И то сказать, какая совесть в воре!
 Ну так, что наш мужик, бедняк,
 Богатым лег, а с голью встал такою —
 .Хоть по-миру поди с сумою;
 Не дай бог никому проснуться худо так!
 Крестьянин тужит и горюет,
 Родню сзывает и друзей,
 Соседей всех и кумовей.
 «Нельзя ли», говорит, «помочь беде моей?»
 Тут всякий с мужиком толкует
 И умный свой дает совет.

Кум Карпыч говорит: «Эх, свет!
 Не надобно было тебе по миру славить,
     Что столько ты богат».

Сват Климыч говорит: «Вперед, мой милый сват,
 Старайся клеть к избе гораздо ближе ставить».
     — «Эх, братцы, это всё не так»,

Сосед толкует Фока:
     «Не то беда, что клеть далёка,
 Да надо на дворе лихих держать собак;
     Возьми-ка у меня щенка любого
 От Жучки: я бы рад соседа дорогого
     От сердца наделить,
     Чем их топить».

И, словом, от родни и от друзей любезных
 Советов тысячу надавано полезных,
     Кто сколько мог,
 А делом ни один бедняжке не помог.

На свете таково ж: коль в нѹжду попадешься,
     Отведай сунуться к друзьям:
 Начнут советовать и вкось тебе и впрямь;
     А чуть о помощи на деле заикнешься,
     То лучший друг
     И нем и глух.

ХОЗЯИН И МЫШИ

Коль в доме станут воровать,
     А нет прилики вору,
     То берегись клепать
 Или наказывать всех сплошь и без разбору:
     Ты вора этим не уймешь
     И не исправишь,
 А только добрых слуг с двора бежать заставишь
 И от меньшей беды в большую попадешь.

Купчина выстроил амбары
 И в них поклат съестные все товары.
 А чтоб мышинный род ему не навредил,
 Так он полицию из кошек учредил.
     Спокоен от Мышей Купчина:
     По кладовым и день и ночь дозор;
 И все бы хорошо, да сделалась причина:
     В дозорных появился вор.
 У кошек, как у нас (кто этого не знает?),
     Не без греха в надсмотрщиках бывает.
     Тут чем бы вора подстеречь
 И наказать его, а правых поберечь,

Хозяин мой велел всех кошек пересечь.
 Услыша приговор такой замысловатый,
 И правый тут и виноватый
 Скорей с двора долой.
 Без кошек стал Купчина мой.
 А Мыши лишь того и ждали и хотели:
 Лишь кошки вон, они — в амбар
 И в две иль три недели
 Поели весь товар.

С Л О Н И М О С Ъ К А

По улицам Слона водили,
 Как видно, напоказ.
 Известно, что Слоны в диковинку у нас,
 Так за Слоном толпы зевак ходили.
 Отколе ни возмись, навстречу Моська им.
 Увидевши Слона, ну на него метаться,
 И лаять, и визжать, и рваться;
 Ну так и лезет в драку с ним.
 «Соседка, перестань срамиться»,
 Ей Шавка говорит: «тебе ль с Слоном возиться?»
 Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идет
 Вперед
 И лаю твоего совсем не примечает». —
 «Эх, эх!» ей Моська отвечает:
 «Вот то-то мне и духу придает,
 Что я, совсем без драки,
 Могу попасть в большие забияки.
 Пускай же говорят собаки:
 «Ай Моська! знать, она сильна,
 Что лает на Слона!»

В О Л К И В О Л Ч О Н О К

Волчонка Волк, начав помалу приучать
 Отцовским промыслом питаться,
 Послал его опушкой прогуляться;
 А между тем велел прилежней примечать,
 Нельзя ль где счастья им отведать,
 Хоть, захватя греха,
 На счет бы пастуха
 Позавтракать иль пообедать.

*Пустился Конь со всех четырех ног
Наславу;
По камням, рывинам пошли толчки,
Скачки...*

Приходит ученик домой
 И говорит: «Пойдем скорей со мной!
 Обед готов; ничто не может быть вернее:
     Там под горой
 Пасут овец, одна другой жирнее;
     Любую стоит лишь унести
     И съесть;
 А стадо таково, что трудно перечесть».
 — «Постой-ка», Волк сказал: «сперва мне ведать надо,
     Каков пастух у стада?»
 — «Хоть говорят, что он
     Неплох, заботлив и умен,
 Однако стадо я обшел со всех сторон
 И высмотрел собак: они совсем не жирны
     И плохи, кажется, и смирны».
 — «Меня так этот слух»,
 Волк старый говорит, «не очень к стаду манит:
     Коль подлинно неплох пастух,
 Так он плохих собак держать не станет.
     Тут тотчас попадешь в беду!
 Пойдем-ка, я тебя на стадо наведу,
     Где сбережем верней мы наши шкуры:
 Хотя при стаде том и множество собак,
     Да сам пастух дурак,
 А где пастух дурак, там и собаки дуры».

ОБЕЗЬЯНА

Как хочешь ты трудись;
 Но приобрести не лъстись
 Ни благодарности, ни славы,
 Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
 Над полосой своей трудился;
 Трудился так крестьянин мой,
 Что градом пот с него катился:
 Мужик работник был прямой.
 Зато, кто мимо ни проходит,
 От всех ему: «Спасибо, исполать!»
 Мартышку это в зависть вводит:
 Хвалы приманчивы, — как их не пожелать!
 Мартышка вздумала трудиться:
 Нашла чурбан — и ну над ним возиться!
     Хлопот
 Мартышке полон рот:
 Чурбан она то понесет,
 То так, то сяк его обхватит,

То поволóчет, то покатит;
 Рекой с бедняжки льется пот;
 И наконец она, пыхтя, насилу дышит,
 А все ни от кого похвал себе не слышит.
 И не диковинка, мой свет!
 Трудисься много ты, да пользы в этом нет.

КОТ И ПОВАР

Какой-то Повар, грамотей,
 С поварни побежал своей
 В кабак (он набожных был правил
 И в этот день по кúме тризну правил),
 А дома стеречи съестное от мышей
 Кота оставил.
 Но что же, возвратись, он видит? На полу
 Объедки пирога; а Васька-Кот в углу,
 Припав за укусным бочонком,
 Мурлыча и ворча, трудится над курчонком.
 «Ах ты, обжора! ах, злодей!»
 Тут Ваську Повар укоряет:
 «Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?»
 (А Васька все-таки курчонка убирает.)
 «Как! быв честным Котом до этих пор,
 Бывало за пример тебя смиренства кажут, —
 А ты... ахти, какой позор!
 Теперь все соседи скажут:
 «Кот-Васька плут! Кот-Васька вор!»
 И Ваську-де не только что в поварню,
 Пускать не надо и на двор,
 Как волка жадного в овчарню:
 Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
 (А Васька слушает да ест.)
 Тут ритор мой, дав волю слов теченью,
 Не находил конца нравоученью.
 Но что ж? Пока его он пел,
 Кот-Васька все жаркое съел.

А я бы повару иному
 Велел на стенке зарубить:
 Чтоб там речей не тратить попустому,
 Где нужно власть употребить.

ЛЕВ И КОМАР

Бессильному не смейся
 И слабого обидеть не моги!
 Мстят сильно иногда бессильные враги:
 Так слишком на свою ты силу не надейся!
 Послушай басню здесь о том,
 Как больно Лев за спесь наказан Комаром.
 Вот что о том я слышал стороною:
 Сухое к Комару явил презренье Лев;
 Зло взяло Комара: обиды не стерпел,
 Собрался, поднялся Комар на Льва войною.
 Сам ратник, сам трубач, пищит во всю гортань
 И вызывает Льва на смертоносну брань.
 Льву смех, но наш Комар не шутит:
 То с тылу, то в глаза, то в уши Льву он трубит!
 И, место высмотрев и время улуча,
 Орлом на Льва спустился
 И Льву в крестец всем жалом впился.
 Лев дрогнул и взмахнул хвостом на трубача.
 Увертлив наш Комар, да он же и не трусит!
 Льву сел на самый лоб и Львину кровь сосет:
 Лев голову крутит, Лев гривую трясет;
 Но наш герой свое несет:
 То в нос забьется Льву, то в ухо Льва укусит.
 Вздурился Лев,
 Престрашный поднял рев,
 Скрежещет в ярости зубами
 И землю он дерет когтями.
 От рыка грозного окружный лес дрожит.
 Страх обнял всех зверей; все кроется, бежит:
 Отколь у всех взялися ноги,
 Как будто бы пришел потоп или пожар!
 И кто ж? — Комар
 Наделал столько всем тревоги!
 Рвался, метался Лев и, выбившись из сил,
 О землю грянулся и миру запросил.
 Насытил злость Комар; Льва жалует он миром:
 Из Ахиллеса вдруг становится Омиром
 И сам
 Летит трубить свою победу по лесам.

ОГОРОДНИК И ФИЛОСОФ

Весной в своих грядках так рылся Огородник,
 Как будто бы хотел он вырыть клад:
 Мужик ретивый был работник,
 И дюж, и свеж на взгляд;

Под огурцы одни он взрыл с полсотни гряд.
 Двор обо двор с ним жил охотник
 До огородов и садов,
 Великий краснойбай, названный друг природы,
 Недоучённый Филосбф,
 Который лишь из книг болтал про огороды;
 Однакож за своим он вздумал сам ходить
 И тоже огурцы садить;
 А между тем смеялся так соседу:
 «Сосед, как хочешь ты потей,
 А я с работою моею
 Далёко от тебя уеду;
 И огород твой при моем
 Казаться будет пустырем.
 Да, правду говорить, я и тому дивился,
 Что огородишко твой кое-как идет.
 Как ты еще не разорился?
 Ты, чай, ведь никаким наукам не учился?»
 — «И некогда», соседа был ответ:
 «Прилежность, навык, руки,
 Вот все мои тут и науки:
 Мне бог и с ними хлеб дает».
 — «Невежа! восставать против наук ты смеешь?»
 — «Нет, барин, не толкуй моих так криво слов:
 Коль ты что путное затеешь,
 Я перенять всегда готов.
 А вот, увидишь ты, лишь лета б нам дожждаться...
 Но, барин, не пора ль за дело приниматься?
 Уж я кой-что посеял, посадил,
 А ты и гряд еще не взрыл».
 — «Да, я не взрыл, за недосугом:
 Я все читал
 И вычитал,
 Чем лучше: заступом их взрыть, сохой или плугом;
 Но время еще не уйдет».
 — «Как вас, а нас оно не очень ждет»,
 Последний отвечал, — и тут же с ним расстался,
 Взяв заступ свой;
 А Филосбф пошел домой,
 Читал, выписывал, справлялся
 И в книгах рылся и в грядках,
 С утра до вечера в трудах.
 Едва с одной работой сладит,
 Чуть на грядках лишь что взойдет:
 В журналах новость он найдет —
 Всё перероет, пересадит
 На новый лад и образец.
 Какой же вылился конец?
 У Огородника взошло все и поспело:
 Он с прибылью, и в шляпе дело;
 А Филосбф —
 Без огурцов.

КРЕСТЬЯНИН И ЛИСИЦА

«Скажи мне, кумушка, что у тебя за страсть
 Кур красть?»
 Крестьянин говорил Лисице, встретясь с нею.
 «Я, право, о тебе жалею!
 Послушай, мы теперь вдвоем,
 Я правду всю скажу: ведь в ремесле твоём
 Ни на волос добра не видно.
 Не говоря уже, что красть и грех, и стыдно,
 И что бранит тебя весь свет, —
 Да дня такого нет,
 Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
 В курятнике оставить шкуры!
 Ну, стоят ли того все куры?»
 — «Кому такая жизнь сносна?»
 Лисица отвечает:
 «Меня так все в ней столько огорчает,
 Что даже мне и пища не вкусна.
 Когда б ты знал, как я в душе честна!
 Да что же делать? Нужда, дети;
 Притом же иногда, голубчик-кум,
 И то приходит в ум,
 Что я ли воровством одна живу на свете?
 Хоть этот промысел мне точно острый нож».
 — «Ну что ж?»
 Крестьянин говорит: «Коль вправду ты не лжешь
 Я от греха тебя избавлю
 И честный хлеб тебе доставлю;
 Наймись курятник мой от лис ты охранять:
 Кому, как не Лисе, все лисьи плутни знать?
 Зато ни в чем не будешь ты нуждаться
 И станешь у меня как в масле сыр кататься».
 Торг слажен; и с того ж часа
 Вступила в караул Лиса.
 Пошло у мужика житье Лисе привольно;
 Мужик богат, всего Лисе довольно;
 Лисица стала и сытей,
 Лисица стала и жирней,
 Но все не сделалась честней:
 Некраденый кусок приелся скоро ей,
 И кумушка тем службу повершила,
 Что, выбрав ночь потемней,
 У куманька всех кур передушила.

В ком есть и совесть и закон,
 Тот не украдет, не обманет,
 В какой бы нужде ни был он;
 А вору дай хоть миллион —
 Он воровать не перестанет.

ВОСПИТАНИЕ ЛЬВА

Льву, Кесарю лесов, бог сына даровал.
 Звериную вы знаете природу:
 У них не как у нас — у нас ребенок году,
 Хотя б он царский был, и глуп, и слаб, и мал,
     А годовалый Львенок
     Давно уж вышел из пеленок.
 Так к году Лев-отец не шуткой думать стал,
     Чтобы сына невежей не оставить,
     В нем царску честь не уронить
 И чтоб, когда сынку придется царством править,
 Не стал бы за сына народ отца бранить.
 Кого ж бы попросить, нанять или заставить
 Царевича Царем на выучку поставить?
     Отдать его Лисе — Лиса умна,
     Да лгать великая охотница она;
     А со лжецом во всяком деле мука:
 Так это, думал Царь, не царская наука.
     Отдать Кроту; о нем молва была,
     Что он во всем большой порядок любит:
     Без ошупи шага не ступит,
     И всякое зерно для своего стола
     Он сам и чистит, сам и лупит;
     И, словом, слава шла,
 Что Крот великий зверь на малые дела;
 Беда лишь, под носом глаза Кротовы зорки,
     Да вдаль не видят ничего;
 Порядок же Кротов хорош, да для него;
 А царство Львиное гораздо больше норки.
 Не взять ли Барса? Барс отважен и силен;
     А сверх того, великий тактик он;
     Да Барс политики не знает,
     Гражданских прав совсем не понимает:
 Какие ж царствовать уроки он подаст!
 Царь должен быть судья, министр и воин;
     А Барс лишь резаться горазд;
 Так и детей учить он царских недостоин.
 Короче: звери все и даже самый Слон,
     Который был в лесах почтён,
     Как в Греции Платон,
     Льву все еще казался не умен
     И не учен.
 По счастью или нет (увидим это вскоре),
     Услышав про царево горе,
     Такой же царь, пернатых царь, Орел,
     Который вел
     Со Львом приязнь и дружбу,
 Для друга сослужить большую взялся службу
     И вызвался сам Львенка воспитать.
     У Льва как гору с плеч свалило.
 И подлинно: чего, казалось, лучше было
 Царевичу царя в учителя сыскать?

Вот Лявкенка снарядили
И отпустили
Учиться царствовать к Орлу.
Проходит год и два; меж тем, кого ни спросят,
О Лявкенке ото всех лишь слышат похвалу:
Все птицы чудеса о нем в лесах разносят.
И наконец приходит срочный год,
Царь-Лев за сыном шлет.
Явился сын; тут царь собирает весь народ,
И малых и больших сзывает;
Сынка целует, обнимает,
И говорит ему он так: «Любезный сын,
По мне наследник ты один;
Я в гроб уже гляжу, а ты лишь в свет вступаешь;
Так я тебе охотно царство сдам.
Скажи теперь при всех лишь нам,
Чему учен ты, что ты знаешь
И как ты свой народ счастливым сделать часшь?»
— «Папа», ответствовал сынок: «я знаю то,
Чего не знает здесь никто,
И от Орла до Перепелки,
Какой где птице боле вод,
Какая чем из них живет,
Какие яйца несет,
И птичьи нүжды все сочту вам до иголки:
Вот от учителей тебе мой аттестат:
У птиц недаром говорят,
Что я хватаю с неба звезды;
Когда ж намерен ты правленье мне вручить,
То я тотчас начну зверей учить
Вить гнезды».
Тут ахнул царь и весь звериный свет;
Повесил головы Совет,
А Лев-старик поздненько спохватился,
Что Лявенок пустякам учился
И не добро он говорит;
Что пользы нет большой тому знать птичий быт,
Кого зверьми владеть поставила природа,
И что важнейшая наука для царей:
Знать свойство своего народа
И выгоды земли своей.

ДЕРЕВО

Увидя, что топор крестьянин нес,
«Голубчик», Дерево сказало молодое:
«Пожалуй, выруби вокруг меня ты лес;
Я не могу расти в покое:

Ни солнца мне не виден свет,
 Ни для корней моих простору нет,
 Ни ветеркам вокруг меня свободы:
 Такие надо мной он сплесть изволил своды!
 Когда б не от него расти помеха мне,
 Я в год бы сделалось красою сей стране
 И тенью бы моей покрылась вся долина;
 А ныне тонко я, почти как хворостина.
 Взялся крестьянин за топор,
 И Дереву, как другу,
 Он оказал услугу:
 Вкруг Деревца большой очистился простор;
 Но торжество его недолго было!
 То солнцем Дерево печет,
 То градом, то дождем сечет,
 И ветром наконец то Деревцо сломило.
 «Безумное!» ему сказала тут змея:
 «Не от тебя ль беда твоя?
 Когда б, укрытое в лесу, ты возрастало,
 Тебе б вредить ни зной, ни ветры не могли:
 Тебя бы старые деревья берегли;
 А если б некогда деревьев тех не стало
 И время их бы отошло,
 Тогда, в свою чреду, ты столько б возросло,
 Усилилось и укрепилось,
 Что нынешней беды с тобой бы не случилось
 И бурю, может быть, ты б выдержать могло!»

ГУСИ

Предлинной хворостиной
 Мужик Гусей гнал в город продавать;
 И, правду истинну сказать,
 Не очень вежливо честил свой гурт гусиный:
 На барыши спешил к базарному он дню
 (А где до прибыли коснется,
 Не только там гусям, и людям достается).
 Я мужика и не виню;
 Но Гуси иначе об этом толковали
 И, встретяся с прохожим на пути,
 Вот как на мужика пеняли:
 «Где можно нас, Гусей, несчастнее найти?
 Мужик так нами помыкает
 И нас, как будто бы простых Гусей, гоняет;
 А этого не смыслит неуч сей,
 Что он обязан нам почтеньем;
 Что мы свой знатный род ведем от тех Гусей,
 Которым некогда был должен Рим спасеньем:

*«Ах ты, обжора! ах, злодей!»
Тут Ваську Повар укоряет:
«Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?»
(А Васька все-таки курчонка убирает.)*

Там даже праздники им в честь учреждены!»
 — «А вы хотите быть за что отличены?»
 Спросил прохожий их. «Да наши предки...» — «Знаю,
 И все читал; но ведать я желаю,
 Вы сколько пользы принесли?»
 — «Да наши предки Рим спасли!»
 — «Всё так, да вы что сделали такое?»
 «Мы? Ничего!» — «Так что ж и доброго в вас есть?
 Оставьте предков вы в покое:
 Им поделом была и честь;
 А вы, друзья, лишь годны на жаркое.»

Баснь эту можно бы и боле пояснить —
 Да чтоб гусей не раздражить.

СВИНЬЯ

Свинья на барский двор когда-то затесалась;
 Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;
 В сору, в навозе извалялась,
 В помоях по уши досыта накупалась
 И из гостей домой
 Пришла свинья-свиньей.
 «Ну что ж, Хавронья, там ты видела такого?»
 Свинью спросил пастух:
 «Ведь идет слух,
 Что всё у богачей лишь бисер да жемчуг,
 А в доме, так одно богачее другого?»
 Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.
 Я не приметил богатства никакого:
 Всё только лишь навоз да сор;
 А, кажется, уж, не жалея рыла,
 Я там изрыла
 Весь задний двор».

Не дай бог никого сравнением мне обидеть!
 Но как же критика Хавроньей не назвать,
 Который, что ни станет разбирать,
 Имеет дар одно худое видеть?

МУХА И ДОРОЖНЫЕ

В июле, в самый зной, в полуденную пору,
 Сыпучими песками, в гору,
 С поклажей и с семьей дворян
 Четверкою рыдван
 Тащился.
 Кони измучились, и кучер как ни бился,
 Пришло хоть стать. Слезает с козел он
 И лошадей, мучитель,
 С лакеем в два кнута тиранит с двух сторон;
 А легче нет. Ползут из колымаги вон
 Боярин, барыня, их девка, сын, учитель.
 Но, зная, рыдван был плотно нагружен,
 Что лошади, хотя его тронули,
 Но в гору по песку едва-едва тянули.
 Случись тут Мухе быть. Как горю не помочь?
 Вступилась: ну жужжать во всю мушину мочь;
 Вокруг повозки суетится:
 То над носом юлит у коренной,
 То лоб укусит пристяжной,
 То вместо кучера на козлы вдруг садится
 Или, оставя лошадей,
 И вдоль и поперек шныряет меж людей;
 Ну, словно откупщик на ярмарке хлопочет
 И только плачется на то,
 Что ей ни в чем никто
 Никак помочь не хочет.
 Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком;
 Учитель с барыней шушукуют тишком;
 Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
 Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин;
 И Муха всем жужжит, что только лишь она
 О всем заботится одна.
 Меж тем лошадушки, шаг-за-шаг, понемногу
 Встащились на ровную дорогу.
 «Ну!», Муха говорит: «теперь слава богу!
 Садитесь по местам, и добрый всем вам путь;
 А мне уж дайте отдохнуть:
 Меня насилу крылья носят».

Куда людей на свете много есть,
 Которые везде хотят себя приплесть
 И любят хлопотать, где их совсем не просят.

ОРЕЛ И ПАУК

За облака Орел
 На верх Кавказских гор поднялся;
 На кедре там столетнем сел
 И зримым под собой пространством любовался.
 Казалось, что оттоль он видел край земли:
 Там реки по степям излучисто текли;
 Здесь роши и луга цвели
 Во всем весеннем их уборе;
 А там сердитое Каспийско море,
 Как ворона крыло, чернелось вдали.
 «Хвала тебе, Зевес, что, управляя светом,
 Ты рассудил меня снабдить таким полетом,
 Что неприступной я не знаю высоты»,
 Орел к Юпитеру взывает:
 «И что смотрю оттоль на мира красоты,
 Куда никто не залетает».
 — «Какой же ты хвастун, как погляжу!»
 Паук ему гут с ветки отвечает:
 «Да ниже ль я тебя, товарищ, здесь сижую?»
 Орел глядит: и подлинно, Паук,
 Над самым им раскинув сеть вокруг,
 На веточке хлопочет,
 И, кажется, Орлу заткать он солнце хочет.
 «Ты как на этой высоте?»
 Спросил Орел: «и те,
 Которые полет отважнейший имеют,
 Не все сюда пускаться смеют;
 А ты без крыл и слаб; неужли ты дополз?»
 — «Нет, я б на это не решился».
 — «Да как же здесь ты очутился?»
 — «Да я к тебе же прицепился,
 И снизу на хвосте ты сам меня занес;
 Но здесь и без тебя умею я держаться;
 И так передо мной прошу не величаться;
 И знай, что я...» Тут вихрь отколе ни возьмись
 И сдунул Паука опять на самый низ.

Как вам, а мне так кажутся похожи
 На этаких нередко Пауков
 Те, кои без ума и даже без трудов
 Тащатся вверх, держась за хвост вельможи;
 А надувают грудь,
 Как будто б силою их бог снабдил орлиной:
 Хоть стоит ветру лишь пахнуть,
 Чтоб их унести и с паутиной.

СОБАКА

У барина была Собака шаловлива,
 Хоть нѹжды не было Собаке той ни в чем;
     Иная бы таким житьем
     Была довольна и счастлива
     И не подумала бы красть!
 Но уж у ней была такая страсть:
 Что из мясного ни достанет,
     В минуту стянет.
     Хозяин сладить с ней не мог,
     Как он ни бился,
 Пока его приятель не вступился
 И в том ему советом не помог.
 «Послушай», говорит: «хоть, кажется, ты строг,
 Но ты лишь красть Собаку приучаешь,
     Затем что краденый кусок
     Всегда ей оставляешь.
 А ты вперед ее хоть меньше бей,
     Да кражу отнимай у ней».
 Едва лишь на себе Собака испытала
     Совет разумный сей, —
     Шалить Собака перестала.

ОРЕЛ И КРОТ

Не презирай совета ничьего,
 Но прежде рассмотри его.

Со стороны прибыв далекой
 В дремучий лес, Орел с Орлицею вдвоем
     Задумали навек остаться в нем
 И, выбравши ветвистый дуб высокий,
 Гнездо себе в его вершине стали вить,
 Надеясь и детей тут вывести на леги.
     Услыша Крот про это,
     Орлу взял смелость доложить,
 Что этот дуб для их жилища не годится,
     Что весь почти он в корне сгнил
     И скоро, может быть, свалится:
 Так чтоб Орел гнезда на нем не вил.
 Но кстати ли Орлу принять совет из норки,
     И от Крота! А где же похвала,
     Что у Орла
     Глаза так зорки?
 И что за стать Кротам мешаться сметь в дела
     Царь-птицы!
 Так, многого с Кротом не говоря,

ВОЛК И ЛИСИЦА

Охотно мы дарим,
 Что нам не надобно самим.
 Мы это басней поясним,
 Затем что истина сноснее вполоткрыта.

Лиса, курятинки накушавшись досыта
 И добрый ворошок припрятавши в запас,
 Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час.
 Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.

«Что, кумушка, беды!» он говорит:
 «Ни косточкой не мог нигде я поживиться;
 Меня так голод и морит;
 Собаки злы, пастух не спит,
 Пришло хоть удавиться!»

— «Неужли?» — «Право, так». — «Бедняжка-куманек!
 Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:
 Я куму услужить готова».
 А куму не сенца, хотелось бы мясного!
 Да про запас Лиса ни слова.
 И серый рыцарь мой,
 Обласкан по уши кумой,
 Пошел без ужина домой.

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Запущенный под облака,
 Бумажный Змей, приметя свысока
 В долине Мотылька,
 «Поверишь ли!» кричит: «чуть-чуть тебя мне видно;
 Признайся, что тебе завидно
 Смотреть на мой высокий столь полет».
 — «Завидно? Право, нет!
 Напрасно о себе ты много так мечтаешь!
 Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
 Такая жизнь, мой свет,
 От счастья весьма далеко;
 А я хоть, правда, невысоко,
 Зато лечу,
 Куда хочу;
 Да я же так, как ты, в забаву для другого,
 Пустого,
 Век целый не трещу».

ЛЕБЕДЬ, ЩУКА И РАК

Когда в товарищах согласья нет,
 На лад их дело не пойдет,
 И выйдет из него не дело, только мұка.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
 Везти с поклажей воз взялись,
 И вместе трое все в него впряглись;
 Из кожи лезут вон, а возу все нет ходу!
 Поклажа бы для них казалась и легка:
 Да Лебедь рвется в облака,
 Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
 Кто виноват из них, кто прав,— судить не нам;
 Да только воз и ныне там.

СКВОРЕЦ

У всякого талант есть свой;
 Но часто, на успех прельщаяся чужой,
 Хватается за то иной,
 В чем он совсем не годен.
 А мой совет такой:
 Берись за то, к чему ты сроден,
 Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

Какой-то смолоду Скворец
 Так петь щегленком научился,
 Как будто бы щегленком сам родился.
 Игривым голоском весь лес он веселил,
 И всякий Скворушку хвалил.
 Иной бы был такой доволен частью;
 Но Скворушка услышь, что хвалят соловья —
 А Скворушка завистлив был, к несчастью, —
 И думает: «Постойте же, друзья,
 Спою не хуже я
 И соловьиным ладом».
 И подлинно запел,
 Да только лишь совсем особым складом:
 То он пищал, то он хрипел,
 То верещал козленком,
 То непутем
 Мяукал он котенком;
 И словом, разогнал всех птиц своим пеньём.
 Мой милый Скворушка, ну что за прибыль в том?
 Пой лучше хорошо щегленком,
 Чем дурно соловьем.

*«Стой, братцы, стой!» кричит Мартышка: «погодите!
Как музыке игти? Ведь вы не так сидите».*

ПРУД И РЕКА

«Что это», говорил Реке соседний Пруд:

«Как на тебя ни взглянешь,

А воды всё твои текут!

Неужли-таки ты, сестрица, не устанешь?

Притом же, вижу я почти всегда,

То с грузом тяжкие суда,

То долговязые плоты ты носишь,

Уж я не говорю про лодки, челноки —

Им счету нет! Когда такую жизнь ты бросишь?

Я, право, высох бы с тоски.

В сравнении с твоим, как жребий мой приятен!

Конечно, я не знатен,

По карте не тянусь я через целый лист,

Мне не бренчит похвал какой-нибудь гуслист:

Да это, право, все пустое!

Зато я в илистых и мягких берегах,

Как барыня в пуховиках,

Лежу и в неге и в покое;

Не только что судов

Или плотов

Мне здесь не для чего страшиться:

Не знаю даже я, каков тяжел челнок;

И много, ежели случится,

Что по воде моей чуть зыблется листок,

Когда его ко мне забросит ветерок.

Что беззаботную заменит жизнь такую?

За ветрами со всех сторон,

Не движась, я смотрю на суету мирскую,

И философствую сквозь сон».

— «А философствуя, ты помнишь ли закон»,

Река на это отвечает:

«Что свежесть лишь вода движеньем сохраняет?

И если стала я великою рекой,

Так это оттого, что, кинувши покой,

Последую сему уставу;

Зато по всякий год

Обилием и чистотою вод

И пользу приношу, и в честь вхожу и в славу,

И буду, может быть, еще я веки течь,

Когда уже тебя не будет и в помине

И о тебе совсем исчезнет речь».

Слова ее сбылись: она течет поныне;

А бедный Пруд год от году все глож,

Заволочен весь тиною глубокой,

Зацвел, зарос осокой

И наконец совсем иссох.

Так дарование без пользы свету вянет,

Слабея всякий день,

Когда им овладеет лень

И оживлять его деятельность не станет.

ТРИШКИН КАФТАН

У Тришки на локтях кафтан продрался.
 Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
 По четверти обрезал рукавов —
 И локти заплатил. Кафтан опять готов;
 Лишь на четверть голее руки стали.
 Да что до этого печали?
 Однакоже смеется Тришке всяк.
 А Тришка говорит: «Так я же не дурак
 И ту беду поправлю:
 Длиннее прежнего я рукава наставлю».
 О, Тришка малый не простой!
 Обрезал фалды он и полы,
 Наставил рукава, и весел Тришка мой,
 Хоть носит он кафтан такой,
 Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда
 Иные господа,
 Запутавши дела, их поправляют;
 Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

ПУСТЫННИК И МЕДВЕДЬ

Хотя услуга нам при нүжде дорогá,
 Но за нее не всяк умеет взяться:
 Не дай бог с дураком связаться!
 Услужливый дурак опаснее врага.

Жил некто человек безродный, одинокий,
 Вдали от города, в глуши.
 Про жизнь пустынную как сладко ни пиши,
 А в одиночестве способен жить не всякий:
 Утешно нам и грусть и радость разделить.
 Мне скажут: «А лужок, а темная дуброва,
 Пригорки, ручейки и мурава шелкова?»
 — «Прекрасны, что и говорить!»
 А всё прискутится, как не с кем молвить слова».
 Так и Пустыннику тому
 Соскучилось быть вечно одному.
 Идет он в лес толкнуться у соседей,
 Чтоб с кем-нибудь знакомство свести.
 В лесу кого набрести,
 Кроме волков или медведей?
 И точно, встретился с большим Медведем он,
 Но делать нечего: снимает шляпу,
 И милому соседушке поклон.

Сосед ему протягивает лапу,
И, слово за слово, знакомятся они,
Потом дружатся,
Потом не могут уж расстаться
И целые проводят вместе дни.
О чем у них и что бывало разговору
Иль присказок, иль шуточек каких
И как беседа шла у них,
Я по сию не знаю пору.
Пустынник был не говорлив;
Мишук с природы молчалив:
Так из избы не вынесено сору.
Но как бы ни было, Пустынник очень рад,
Что дал ему бог в друге клад.
Везде за Мишей он, без Мишеньки тошнится,
И Мишенькой не может нахвалиться.
Однажды вздумалось друзьям
В день жаркий побродить по рошам, по лугам,
И по долам, и по горам;
А так как человек медведя послабее,
То и Пустынник наш скорее,
Чем Мишенька, устал
И отставать от друга стал.
То видя, говорит, как путный, Мишка другу:
«Приляг-ка, брат, и отдохни
Да коли хочешь, так сосни;
А я постерегу тебя здесь у досугу».
Пустынник был сговорчив: лег, зевнул
Да тотчас и заснул.
А Мишка на часах — да он и не без дела:
У друга на нос муха села;
Он друга обмахнул;
Взглянул,
А муха на щеке; согнал, а муха снова
У друга на носу,
И неотвязчивей час от часу.
Вот Мишенька, не говоря ни слова,
Увесистый булыжник в лапы сгреб,
Присел на корточки, не переводит духу,
Сам думает: «Молчи ж, уж я тебя, воструху!»
И, у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть — хватъ друга камнем в лоб!
Удар так ловок был, что череп врознь раздался,
И Мишин друг лежать надолго там остался!

Ц В Е Т Ы

В отворенном окне богатого покоя
 В фарфоровых расписанных горшках
 Цветы поддельные, с живыми вместе стоя,
 На проволочных стебельках
 Качались спесиво
 И выставляли всем красу свою на диво.
 Вот дождик начал накрапать.
 Цветы тафтяные Юпитера тут просят:
 Нельзя ли дождь унять;
 Дождь всячески они ругают и поносят.
 «Юпитер!» молятся: «ты дождик прекрати;
 Что в нем пути
 И что его на свете хуже?
 Смотри, нельзя по улице пройти:
 Везде лишь от него и грязь и лужи».
 Однакоже Зевес не внял мольбе пустой,
 И дождь себе прошел своею полосой.
 Прогнавши зной,
 Он воздух прохладил; природа оживилась,
 И зелень вся как будто обновилась.
 Тогда и на окне Цветы живые все
 Раскинулись во всей своей красе
 И стали от дождя душистей,
 Свежее и пушистей.
 А бедные Цветы поддельные с тех пор
 Лишились всей красоты и брошены на двор,
 Как сор.

Галатея истинны за критику не злятся:
 Их повредить она не может красоты;
 Одни поддельные цветы
 Дождя боятся.

К Р Е С Т Ъ Я Н И Н И Р А З Б О Й Н И К

Крестьянин, заводясь домком,
 Купил на ярмарке подойник да корову
 И с ними сквозь дуброву
 Тихонько брел домой проселочным путем,
 Как вдруг Разбойнику попался.
 Разбойник Мужика как липку ободрал.
 «Помилуй», всплачется Крестьянин: «я пропал,
 Меня совсем ты доконал!
 Год целый я купить коровушку собирался.
 Насилу этого дождался дня».
 — «Добро, не плачься на меня»,

Сказал, разжалобясь, Разбойник:
«И подлинно, ведь мне коровы не доить,
Уж так и быть,
Возьми себе назад подойник».

ЛЮБОПЫТНЫЙ

«Притель дорогой, здорово! Где ты был?»
— «В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;
Все видел, высмотрел; от удивленья,
Поверишь ли, не станет ни уменья
Пересказать тебе, ни сил.
Уж подлинно, что там чудес палата!
Куда на выдумки природа таровата!
Каких зверей, каких там птиц я не видал!
Какие бабочки, букашки,
Козявки, мушки, таракашки!
Одни как изумруд, другие как коралл!
Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки!»
— «А видел ли слона? Каков собой на взгляд?
Я чай, подумал ты, что гору встретил?»
— «Да разве там он?» — «Там». — «Ну, братец, виноват,
Слона-то я и не приметил».

ЛЕВ НА ЛОВЛЕ

Собака, Лев да Волк с Лисой
В соседстве как-то жили,
И вот какой
Между собой
Они завет все положили:
Чтоб им зверей съобща ловить
И что наловится, все поровну делить.
Не знаю, как и чем, а знаю, что сначала
Лиса оленя поймала
И шлет к товарищам послов,
Чтоб шли делить счастливый лов:
Добыча, право, недурная!
Пришли, пришел и Лев; он, когти разминая
И озираючи товарищей кругом,
Дележ располагает
И говорит: «Мы, братцы, вчетвером».

И начетверо он оленя раздирает.
 «Теперь давай делить! Смотрите же, друзья:
     Вот эта часть моя
     По договору;
 Вот эта мне, как Льву, принадлежит без спору;
 Вот эта мне за то, что всех сильнее я;
 А к этой чуть из вас лишь лапу кто протянет,
     Тот с места жив не встанет».

КРЕСТЬЯНЕ И РЕКА

Крестьяне, вышед из терпенья
     От разоренья,
     Что речки им и ручейки
     При водополье причиняли,
 Пошли просить себе управы у Реки,
 В которую ручьи и речки те впадали.
     И было что на них донести
     Где озими разрыты;
     Где мельницы посорваны и смыты;
     Потоплено скота, что и не счесть!
 А та Река течет так смиренно, хоть и пышно;
     На ней стоят большие города,
     И никогда
     За ней таких проказ не слышно:
     Так, верно, их она уймет,
     Между собой Крестьяне рассуждали.
 Но что ж? Как подходить к Реке поближе стали
     И посмотрели, так узнали,
 Что половину их добра по ней несет.
     Тут, попусту не заводя хлопот,
 Крестьяне лишь его глазами проводили;
     Потом взглянулись меж собой
     И, докачавши головой,
     Пошли домой.
     А отходя, проговорили:
     «На что и время тратить нам!
 На младших не найдешь себе управы там,
 Где делятся они со старшим пополам».

ДОБРАЯ ЛИСИЦА

Стрелок весной малиновку убил.
 Уж пусть бы кончилось на ней несчастье злое,
 Но нет; за ней должны еще погибнуть трое:
 Он бедных трех ее птенцов осиротил.
 Едва из скорлупы, без смыслу и без сил,
     Малютки терпят голод
     И холод
 И писком жалобным зовут напрасно мать.
     «Как можно не страдать,
     Малюток этих видя;
 И сердце чье об них не заболит?»
     Лисица птицам говорит,
 На камушке против гнезда сироток сидя:
 «Не киньте, милые, без помощи детей;
 Хотя по зернышку бедняжкам вы снесите,
 Хоть по соломинке к их гнездышку приткните:
     Вы этим жизнь их сохраните;
     Что́ дела доброго святей!
 Кукушка, посмотри, ведь ты и так линияешь:
 Не лучше ль дать себя немножко ошипать
 И перьем бы твоим постельку их устлать?
     Ведь попусту ж его ты растеряешь.
     Ты, жавронок, чем по верхам
     Тебе кувыркаться, кружиться,
 Ты б корму поискал по нивам, по лугам,
     Чтоб с сиротами поделиться.
 Ты, горлинка, твои птенцы уж подросли,
 Промыслить корм они и сами бы могли:
     Так ты бы с своего гнезда слетела
     Да вместо матери к малюткам села,
     А деток бы твоих пусть бог
     Берег.
 Ты б, ласточка, ловила мошек
 Полакомить безродных крошек.
     А ты бы, милый соловей, —
 Ты знаешь, как всех голос твой прельщает, —
 Меж тем, пока зефир их с гнездышком качает,
 Ты б убаюкивал их песенкой своей.
     Такою нежностью, я твердо верю,
 Вы б заменили им их горькую потерю.
 Послушайте меня: докажем, что в лесах
 Есть добрые сердца и что...» При сих словах
     Малютки бедные все трое,
 Не могли с голоду сидеть в покое,
 Попадали к Лисе, на низ.
 Что ж кумушка? — Тотчас их съела:
     И поученья не допела.

Читатель, не дивись!
 Кто добр поистине, не распложая слова,
 В молчанье тот добро творит;

А кто про доброту лишь в уши всем жужжит,
 Тот часто только добр на счет другого.
 Затем что в этом нет убытка никакого.
 На деле же почти такие люди все —
 Сродни моей Лисе.

МИРСКАЯ СХОДКА

Какой порядок ни затей,
 Но если он в руках бессовестных людей,
 Они всегда найдут уловку,
 Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

В овечьи старосты у Льва просился Волк.
 Стараньем кумушки Лисицы
 Слово о нем замолвлено у Лвицы.
 Но так как о Волках худой на свете толк
 И не сказали бы, что смотрит Лев на лица,
 То велено звериный весь народ
 Созвать на общий сход
 И расспросить того, другого,
 Что в Волке доброго он знает иль худого.
 Исполнен и приказ: все звери созваны.
 На сходке голоса чин-чином собраны;
 Но против Волка нет ни слова,
 И Волка велено в овчарню посадить.
 Да что же Овцы говорили?
 На сходке ведь они уж, верно, были?
 Вот то-то нет! Овец-то и забыли!
 А их-то бы всего нужней спросить.

ДЕМЬЯНОВА УХА

«Соседушка, мой свет!
 Пожалуйста, покушай».
 — «Соседушка, я сыт по горло». — «Нужды нет,
 Еще тарелочку; послушай:
 Ушина, ей-же-ей, на славу сварена!»
 — «Я три тарелки съел». — «И, полно, что за счеты;
 Лишь стало бы охоты, —
 А то во здравье: ешь до дна!
 Что за уха! Да как жирна:

*Кафтан опять готов;
Лишь на четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однакоже смеется Тришке всяк.*

Как будто янтарею подернулась она.
 Потешь же, миленький дружок!
 Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!
 Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»
 Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку
 И не давал ему ни отдыху, ни сроку;
 А с Фоки уж давно катился градом пот.
 Однакоже еще тарелку он берет,
 Сбирается с последней силой
 И — очищает всю. «Вот друга я люблю!»
 Вскричал Демьян: «зато уж чванных не терплю.
 Ну, скушай же еще тарелочку, мой милый!»
 Тут бедный Фока мой,
 Как ни любил уху, но от беды такой,
 Схватя в охапку
 Кушак и шапку, —
 Скорей без памяти домой
 И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
 Но если помолчать во-время не умеешь
 И ближнего ушей ты не жалеешь,
 То ведай, что твои и проза и стихи
 Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

МЫШЬ И КРЫСА

«Соседка, слышала ль ты добрую молву?»
 Вбежавши, Крысе Мышь сказала;
 «Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
 Вот отдохнуть и нам пора настала!»
 — «Не радуйся, мой свет»,
 Ей Крыса говорит в ответ:
 «И не надейся попустому!
 Коль до когтей у них дойдет,
 То, верно, льву не быть живому:
 Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
 Когда боится трус кого,
 То думает, что на того
 Весь свет глядит его глазами.

ЧИЖ И ГОЛУБЬ

Чижа захлопнула злодейка-западня;
 Бедняжка в ней и рвался и метался,
 А Голубь молодой над ним же издевался.
 «Не стыдно ль», говорит: «среди бела дня
 Попался!

Не провели бы так меня:
 За это я ручаюсь смело».
 Ан смотришь, тут же сам запутался в силок.
 И дело!
 Вперед чужой беде не смейся, Голубок!

КАМЕНЬ И ЧЕРВЯК

«Как расшумелся здесь! Какой невежа!»
 Про дождик говорит на ниве Камень, лежа:
 «А рады все ему, пожалуй — посмотри!
 И ждали так, как гостя дорогого,
 А что же сделал он такого?
 Всего-то шел часа два-три.
 Пускай же обо мне расспросят!
 Так я уж веки здесь; тих, скромненько всегда,
 Лежу смиренхонько, куда меня ни бросят:
 А не слышал себе спасибо никогда.
 Недаром, право, свет поносят:
 В нем справедливости не вижу я никак».
 — «Молчи!» сказал ему Червяк:
 «Сей дождик, как его ни кратко было время,
 Лишенную засухой сил
 Обильно ниву напоил,
 И земледельца он надежду оживил;
 А ты на ниве сей пустое только бремя».

Так хвалится иной, что служит сорок лет:
 А проку в нем, как в этом Камне, нет.

МЕДВЕДЬ У ПЧЕЛ

Когда-то, о весне, зверями
 В надсмотрщики Медведь был выбран над ульями.
 Хоть можно б выбрать тут другого поверней,
 Затем что к меду Мишка падок,
 Так не было б оглядок;

Да спрашивай ты толку у зверей!
Кто к ульям ни просился,
С отказом отпустили всех,
И, как на смех,
Тут Мишка очутился.
Ан вышел грех:
Мой Мишка потаскал весь мед в свою берлогу.
Узнали, подняли тревогу,
По форме нарядили суд,
Отставку Мишке дали
И приказали,
Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут.
Решили, справили, скрепили;
Но меду всё не воротили.
А Мишенька и ухом не ведет:
Со светом Мишка распрощался,
В берлогу теплую забрался
И лапу с медом там сосет
Да у моря погоды ждет.

ЗЕРКАЛО И ОБЕЗЬЯНА

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Медведя толк ногой:
«Смотри-ка», говорит: «кум милый мой!
Что это там за рожа?
Какие у нее ужимки и прыжки!
Я удавилась бы с тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А ведь, признайся, есть
Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:
Я даже их могу по пальцам перечесть».
— «Чем кумушек считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»
Ей Мишка отвечал.
Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.
Таких примеров много в мире:
Не любит узнавать никто себя в сатире.
Я даже видел то вчера:
Что Климыч на руку нечист, все это знают;
Про взятки Климычу читают,
А он украдкою кивает на Петра.

КОМАР И ПАСТУХ

Пастух под тенью спал, надеясь на псов.
 Приметя то, змея из-под кустов
 Ползет к нему, вон высунувши жало;
 И Пастуха на свете бы не стало;
 Но, сжался над ним. Комар что было сил
 Сонливца укусил.
 Проснувшись, Пастух змею убил;
 Но прежде Комара спросонья так хватил,
 Что бедного его как не бывало.

Таких примеров есть немало:
 Коль слабый сильному, хоть движимый добром,
 Открыть глаза на правду покусится,
 Того и жди, что то же с ним случится,
 Что с Комаром.

КРЕСТЬЯНИН И СМЕРТЬ

Набрав валежнику порой холодной, зимней,
 Старик, иссохший весь от нѹжды и трудов,
 Тащился медленно к своей лачужке дымной,
 Кряхтя и охая под тяжкой ношей дров.
 Нес, нес он их и утомился,
 Остановился,
 На землю с плеч спустил дрова долой,
 Присел на них, вздохнул и думал сам с собой:
 «Куда я беден, боже мой!
 Нуждаюся во всем; к тому ж жена и дети,
 А там подушное, боярщина, оброк...
 И выдался ль когда на свете
 Хотя один мне радостный денек?»
 В таком унынии, на свой пеняя рок,
 Зовет он Смерть: она у нас не за горами,
 А за плечами:
 Явилась вмиг
 И говорит: «Зачем ты звал меня, старик?»
 Увидевши ее свирепую осанку,
 Едва промолвить мог бедняк, оторопев:
 «Я звал тебя, коль не во гнев,
 Чтоб помогла ты мне поднять мою вязанку».

Из басни сей
 Нам видеть можно,
 Что как бывает жить ни тошно,
 А умирать еще тошней.

КРЕСТЬЯНИН И ТОПОР

Мужик, избу рубя, на свой Топор озлился;
Пошел Топор в худых; Мужик взбесился:
Он сам нарубит вздор,
А виноват во всем Топор;
Бранить его, хоть как, Мужик найдет причину.
«Негодный!» он кричит однажды: «с этих пор
Ты будешь у меня обтесывать тычину;
А я с моим умением и трудом,
Притом с досужестью моею,
Знай, без тебя пробавиться умею
И сделаю простым ножом,
Чего другой не срубит топором».
— «Рубить, что мне велишь, моя такая доля»,
Смиренно отвечал Топор на окрик злой:
«Итак, хозяин мой,
Твоя святая воля,
Готов тебе я всячески служить;
Да только ты смотри, чтоб после не тужить:
Меня ты попусту иступишь,
А все ножом избы не срубишь».

ЛЕВ И ВОЛК

Лев убирал за завтраком ягненка;
А собачонка,
Вертясь вокруг царского стола,
У Льва из-под когтей кусочек урвала;
И Царь зверей то снес, не огорчась нимало:
Она глупа еще и молода была.
Увидя то, на мысли Волку вспало,
Что Лев, конечно, не силён,
Коль так смирён,
И лапу протянул к ягненку также он.
Ан вышло с Волком худо:
Он сам ко Льву попал на блюдо.
Лев растерзал его, примолвя так: «Дружок!
Напрасно, смётря на собачку,
Ты вздумал, что тебе я также дам потачку:
Она еще глупа, а ты уж не шенок!»

СОБАКА, ЧЕЛОВЕК, КОШКА И СОКОЛ

Собака, Человек, да Кошка, да Сокол
 Друг другу поклялись однажды в дружбе вечной,

Нелестной, искренней, чистосердечной.

У них был общий дом, едва ль не общий стол;

Клялись делить они и радость и заботу,

Друг другу помогать,

Друг за друга стоять

И, если надо, друг за друга умирать.

Вот как-то вместе все, отправясь на охоту,

Мои друзья

Далеко от дому отбились,

Умаялись, утомились

И отдохнуть пристали у ручья.

Тут задремали все, кто лежа, кто и сидя,

Как вдруг из лесу шасть

На них медведь, разинув пасть.

Беду такую видя,

Сокол — на воздух, Кошка — в лес,

И Человек тут с жизнью бы простился, —

Но верный Пес

Со зверем злым барахтаться схватился,

В него вцепился,

И как медведь его жестоко ни ломал,

Как ни ревел от боли и от злости,

Пес, прохватя его до кости,

Повис на нем и зуб не разжимал,

Доколе с жизнью всех сил не потерял.

А Человек? К стыду, из нас не всякий

Сравнится в верности с собакой!

Пока медведь был занят дракой,

Он, подхватя ружье свое с собой,

Пустился без души домой.

На языке легка и ласка и услуга;

Но в нужде лишь узнать прямого можно друга.

Как редки таковы друзья!

И то сказать, как часто видел я,

Что так, как в басне сей был верный Пес оставлен,

Так тот,

Кто из хлопот

Был другом выручен, избавлен,

Его же покидал в беде,

Его же и ругал везде.

ЛЕВ И ЛИСИЦА

Лиса, не видя сроду Льва,
С ним встретясь, со страстей осталась чуть жива.
Вот несколько спустя опять ей Лев попался,
Но уж не так ей страшен показался.
А третий раз потом
Лиса и в разговор пустилася со Львом.

Иного так же мы боимся,
Поколь к нему не приглядимся.

ХМЕЛЬ

Хмель выбежал на огороде
И вокруг сухой тычинки виться стал;
А в поле близко дуб молоденький стоял.
«Что в этом пользы есть уроде
Да и во всей его породе?»
Так про дубок тычинке Хмель жужжал.
«Ну как его сравнить с тобою?
Ты барыня пред ним одной лишь прямизною.
Хоть листьем, правда, он одет,
Да что за жесткость, что за цвет!
За что его земля пигаает?»
Меж тем, едва неделя протекает,
Хозяин на дрова тычинку ту сломил,
А в огород дубок пересадил.
И труд ему с большим успехом удается:
Дубок и принялся и отпрыски пустил;
Посмотришь, около него мой Хмель уж ветется,
И дубу от него вся честь и похвала!

Также ж у льстеца поступки и дела:
Он на тебя несет тьму небылиц и бредней;
И как ты хочешь, так трудись,
Но у него в хороших быть не лъстись;
А только в случай попадись —
Он первый явится в передней.

С Л О Н В С Л У Ч А Е

Когда-то в случай Слон попал у Льва.
 В минуту по лесам прошла о том молва,
 И так, как водится, пошли догадки: :
     Чем в милость втерся Слон?
 Не то красив, не то забавен он;
     Что за прием, что за ухватки!
     Толкуют звери меж собой.
 «Когда бы», говорит, вертя хвостом, Лисица,
     «Был у него пушистый хвост такой,
     Я не дивилась бы». — «Или, сестрица»,
 Сказал Медведь, «хотя бы по когтям
     Он сделался случайным, —
     Никто того не счел бы чрезвычайным:
 Да он и без когтей, то всем известно нам».
 — «Да не вошел ли он в случай клыками?»
 Вступился в речь их Вол:
 «Уж не сочли ли их рогами?»
 — «Так вы не знаете», сказал Осел,
 Ушами хлопая: «чем мог он полюбиться
     И в знать добиться?»
 А я так отгадал:
 Без длинных бы ушей он в милость не попал».

Нередко мы, хотя того не примечаем,
 Себя в других охотно величаем.

Т У Ч А

Над изнуренною от зноя стороною
     Большая туча пронеслась;
 Ни каплею ее не освежа одною,
 Она большим дождем над морем пролилась
 И щедростью своей хвалилась пред горою.
     «Что сделала добра
     Ты щедростью такую?»
     Сказала ей гора:
     «И как смотреть на то не больно!
 Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
 Ты б область целую от голода спасла;
 А в море без тебя, мой друг, воды довольно».

*Вот несколько спустя опять ей Лев попался,
Но уж не так ей страшен показался.*

КЛЕВЕТНИК И ЗМЕЯ

Напрасно про бесов болтают,
 Что справедливости совсем они не знают,
 А правду тож они нередко наблюдают;
 Я и пример тому здесь приведу.
 По случаю какому-то в аду
 Змея с Клеветником в торжественном ходу
 Друг другу первенства оставить не хотели
 И зашумели:
 Кому из них итти приличней наперед?
 А в аде первенство, известно, тот берет,
 Кто ближнему наделал больше бед.
 Так в споре сем и жарком и немалом
 Перед Змеею Клеветник
 Свой выставлял язык,
 А перед ним Змея своим хвалилась жалом;
 Шипела, что нельзя обиды ей снести,
 И силилась его переползти.
 Вот Клеветник было за ней уж очутился;
 Но Вельзевул не потерпел того:
 Он сам, спасибо, за него
 Вступился
 И осадил назад Змею,
 Сказав: «Хоть я твои заслуги признаю,
 Но первенство ему по правде отдаю:
 Ты зла, твое смертельно жало;
 Опасна ты, когда близка;
 Кусает без вины (и то не мало!),
 Но можешь ли язвить ты так издалека,
 Как злой язык Клеветника,
 От коего нельзя спастись ни за горами,
 Ни за морями?
 Так, стало, он тебя вредней:
 Ползи же ты за ним и будь вперед смирней».
 С тех пор клеветники в аду почетней змей.

ФОРТУНА И НИЩИЙ

С истертою и ветхою сумой
 Бедняжка нищенский под оконьем таскался
 И, жалуясь на жребий свой,
 Нередко удивлялся,
 Что люди, живучи в богатых теремах,
 По горло в золоте, в довольстве и сластях,
 Как их карманы ни набиты,
 Еще не сыты!
 И даже до того,

Что, без пути алкая
 И нового богатства добывая,
 Лишаются нередко своего
 Всего.
 Вон бывший, например, того хозяин дому
 Пошел счастливо торговать;
 Расторговался впух. Тут, чем бы перестать
 И достальной свой век спокойно доживать,
 А промысел оставить свой другому, —
 Он в море корабли отправил по весне;
 Ждал горы золота; но корабли разбило:
 Сокровища его все море поглотило;
 Теперь они на дне,
 И видел он себя богатым, как во сне.
 Другой, тот в откупа пустился
 И нажил было миллион,
 Да мало: захотел его удвоить он,
 Забрался по уши и вовсе разорился.
 Короче, тысячи таких примеров есть;
 И поделом: знай честь!
 Тут Нищему Фортуна вдруг предстала
 И говорит ему:
 «Послушай, я помочь давно тебе желала;
 Червонцев кучу я сыскала;
 Подставь свою суму;
 Ее насыплю я, да только с уговором:
 Все будет золото, в суму что попадет,
 Но если из сумы что на пол упадет,
 То сделается сором.
 Смотри ж, я наперед тебя остерегла:
 Мне велено хранить условье наше строго,
 Сума твоя ветха, не забирайся много,
 Чтоб вынести она могла».
 Едва от радости мой Нищий дышит
 И под собой земли не слышит!
 Расправил свей кошель, и щедрою рукой
 Тут полился в него червонцев дождь златой.
 Сума становится уж тяжеленька.
 «Довольно ль?» — «Нет, еще». — «Не треснула б».
 — «Не бойсь».
 — «Смотри, ты Крезом стал». — «Еще, еще маленько:
 Хоть горсточку прибрось».
 — «Эй, полно! Посмотри, сума ползет уж врозь».
 — «Еще шепоточку». Но тут кошель прорвался,
 Рассыпалась казна и обратилась в прах,
 Фортуна скрылася: одна сума в глазах,
 И Нищий нищенским попрежнему остался.

ЛЯГУШКА И ЮПИТЕР

Живущая в болоте, под горой,
Лягушка на гору весной
Переселилась;
Нашла там тинистый в лощинке уголок
И завела домок
Под кустиком, в тени, меж травки, как раек.
Однакож им она недолго веселилась.
Настало лето, с ним жары,
И дачи Квакушки так сделались сухи,
Что, ног не замоча, по ним бродили мухи.
«О боги!» молится Лягушка из норы:
«Меня вы, бедную, не погубите
И землю вровень хоть с горою затопите:
Чтобы в моих поместьях никогда
Не высыхала бы вода!»
Лягушка вопит безумолку
И наконец Юпитера бранит,
Что нету в нем ни жалости, ни толку.
«Безумная!» Юпитер говорит
(Знать, не был он тогда сердит):
«Как квакать попусту тебе охота!
И чем мне для твоих затей
Перетопить людей,
Не лучше ль вниз тебе стащить до болота?»

На свете много мы таких людей найдем,
Которым все, кроме себя, постыло
И кои думают: лишь мне бы ладно было,
А там весь свет гори огнем.

ЛИСА-СТРОИТЕЛЬ

Какой-то Лев большой охотник был до кур;
Однакож у него они водились худо:
Да это и не чудо!
К ним доступ был свободен чересчур.
Так их то крали,
То сами куры пропадали.
Чтоб этому помочь убытку и печали,
Построить вздумал Лев большой курятный двор
И так его ухитить и уладить,
Чтобы воров совсем отвадить,
А курам было б в нем довольство и простор.
Вот Льву доносят, что Лисица
Большая строить мастерица,
И дело ей поручено,

С успехом начато и кончено оно:
 Лисой к нему приложено
 Все — и старанье и уменье.
 Смотрели, видели: строенье — загляденье!
 А сверх того все есть, чего ни спросишь тут:
 Корм под носом, везде наткано насесток,
 От холоду и жару есть приют,
 И укромные местечки для наседок.
 Вся слава Лисаньке и честь!
 Богатое дано ей награжденье!
 И тотчас повеленье:
 На новоселье кур немедля перевести.
 Но есть ли польза в перемене?
 Нет: кажется, и крепок двор,
 И плотен и высок забор —
 А кур час-от-часу все мене.
 Отколь беда, придумать не могли.
 Но Лев велел стеречь. Кого ж подстерегли?
 Тоё ж Лису-злодейку.
 Хоть правда, что она свела строенье так,
 Чтобы не ворвался в него никто никак,
 Да только для себя оставила лазейку.

ВОЛК И ПАСТУХИ

Волк, близко обходя пастуший двор
 И видя сквозь забор,
 Что, выбрав лучшего себе барана в стаде,
 Спокойно Пастухи барашка потрошат,
 А псы смирнехонько лежат,
 Сам молвил про себя, прочь уходя в досаде:
 «Какой бы шум вы все здесь подняли, друзья,
 Когда бы это сделал я!»

ГРЕБЕНЬ

Дитяти маменька расчесывать головку
 Купила частый Гребешок.
 Не выпускает вон дитя из рук обновку;
 Играет иль твердит из азбуки урок,
 Свои всё кудри золотые,
 Волнистые, барашком завитые
 И мягкие, как тонкий лен,

Любуясь, Гребешком расчесывает он.
 И что за Гребешок? Не только не терéбит,
     Нигде он даже не зацепит:
     Так плавен, гладок в волосах.
 Нет Гребню и цены у мальчика в глазах.
 Случись, однакоже, что Гребень затерялся.
     Зарéзвился мой мальчик, заигрался,
     Всклокóтил волосы копной.
 Лишь няня к волосам, дитя подымет вой:
     «Где Гребень мой?»
     И Гребень отыскался.
 Да только в голове ни взад он, ни вперед:
     Лишь волосы до слез дерет.
     «Какой ты злой, Гребнишка!»
     Кричит мальчишка.
 А Гребень говорит: «Мой друг, все тот же я,
     Да голова всклокочена твоя».
 Однакож мальчик мой от злости и досады
     Закинул Гребень свой в реку —
     Теперь им чешутся Наяды.

Видал я на своем веку,
 Что так же с правдой поступают.
 Поколе совесть в нас чиста,
 То правда нам мила и правда нам свята.
     Ее и слушают и принимают;
     Но только стал кривить душей,
     То правду дале от ушей:
 И всякий, как дитя, чесать волос не хочет,
     Когда их склочет.

СКУПОЙ И КУРИЦА

Скупой теряет все, желая все достать.
     Чтоб долго мне примеров не искать,
     (Хоть есть и много их, я в том уверен,
     Да рыться лень), так я намерен
     Вам басню старую сказать.

Вот что в ребячестве читал я про Скупого.
     Был человек, который никакого
     Не знал ни промысла, ни ремесла;
 Но сундуки его полнели очевидно.
 Он Курицу имел (как это ни завидно!),
     Котора яйца несла,
     Но не простые,
     А золотые.
 Иной бы и тому был рад.

Что понемногу он становится богат;
 Но этого Скупому мало:
 Ему на мысли вспало,
 Что, взрезав Курицу, он в ней достанет клад.
 Итак, забыв ее к себе благодаянье,
 Неблагодарности не побоясь греха,
 Ее зарезал он. И что же? В воздаянье
 Он вынул из нее простые потроха.

ДВЕ БОЧКИ

Две Бочки ехали: одна — с вином,
 Другая —
 Пустая.
 Вот первая себе без шуму и шажком
 Плетется,
 Другая вскачь несется;
 От ней по мостовой и стукотня, и гром,
 И пыль столбом;
 Прохожий к стороне скорей от страху жметя,
 Ее заслышавши издалека.
 Но как та Бочка ни громка,
 А польза в ней не так, как в первой, велика.

Кто про свои дела кричит всем безумолку,
 В том, верно, мало толку;
 Кто делов истинно, — тих часто на словах.
 Великий человек лишь громок на делах,
 И думает свою он крепко думу
 Без шуму.

АПЕЛЛЕС И ОСЛЕНОК

Кто самолюбием чрез меру поражен,
 Тот мил себе и в том, чем он другим смешон;
 И часто тем ему случается хвалиться,
 Чего бы должен он стыдиться.

С Осленком встретясь, Аpellес
 Зовет к себе Осленка в гости;
 В Осленке заиграли кости!
 Осленок хвастовством весь душит лес
 И говорит зверям: «Как Аpellес мне скучен,
 Я им размучен:

Ну все зовет к себе, где с ним ни встречу я.
 Мне кажется, мои друзья,
 Намерен он с меня писать Пегаса».
 — «Нет», Апеллес сказал, случаясь близко тут:
 «Намеряся писать Мидасов суд,
 Хотел с тебя списать я уши для Мидаса;
 И коль пожалуешь ко мне, я буду рад.
 Ослиных мне ушей и много хоть встречалось,
 Но этаких, какими ты богат,
 Не только у ослят,
 Ни даже у ослов мне видеть не случалось».

ОХОТНИК

Как часто говорят в делах: еще успею.

Но надобно признаться в том,
 Что это говорят, спросяся не с умом,
 А с леностью своею.

Итак, коль дело есть, скорей его кончай,
 Иль после на себя ропщи, не на случай,
 Когда оно тебя застанет невзначай.
 На это басню вам скажу я, как умею.

Охотник, взяв ружье, патронницу, суму
 И друга верного по нраву и обычью,

Гектора, в лес пошел за дичью,
 Не зарядя ружья, хоть был совет ему,
 Чтоб зарядил ружье он дома.

«Вот вздор!» он говорит: «дорога мне знакома,
 На ней ни воробья не видел я родясь:

До места ж ходу целый час,
 Так зарядить еще успею я сто раз».

Но что ж? Лишь вон из жила
 (Как будто бы над ним Фортуна подшутила),

По озерку
 Гуляют утки целым стадом;
 И нашему б тогда Стрелку
 Легко с полдюжины одним зарядом
 Убить

И на неделю с хлебом быть,
 Когда б не отложил ружья он зарядить.
 Теперь к заряду он скорее; только утки

На это чутки:
 Пока с ружьем возился он,
 Они вскричали, встрепенулись,
 Взвились — и за леса веревкой потянулись,
 А там из виду скрылись вон:
 Напрасно по лесу Стрелок потом таскался,

Ни даже воробей ему не попадался;
 А тут к беде еще беда:
 Случись тогда
 Ненастье.
 Итак, Охотник мой,
 Измокши весь, пришел домой
 С пустой сумой;
 А все-таки пенял не на себя — на счастье.

ОСЕЛ И МУЖИК

Мужик, на лето в огород
 Наняв Осла, приставил
 Ворон и воробьев гонять нахальный род.
 Осел был самых честных правил:
 Ни с хищностью, ни с кражей незнаком;
 Не поживился он хозяйским ни листком
 И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;
 Но Мужики барыш был с огорода плох.
 Осел, гоняя птиц, со всех ослиных ног
 По всем грядám, и вдоль и поперек,
 Такую поднял скачку,
 Что в огороде все примял и притоптал.
 Увидя тут, что труд его пропал,
 Крестьянин на спине ослиной
 Убыток выместил дубиной.
 «И ништо!» все кричат: «скотине поделом!
 С его ль умом
 За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться:
 Он, точно, виноват (с ним сделан и расчет),
 Но, кажется, неправ и тот,
 Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны, всякий знает:
 Волк, евши, никогда
 Костей не разбирает.
 За то на одного из них пришла беда:
 Он костью чуть не подавился.
 Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

*«Ты шутишь!» зверь вскричал коварный:
«Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!»*

Пришло хоть ноги протянуть!
 По счастью, близко тут Журавль случился.
 Вот кой-как знаками стал Волк его манить
 И просит горю пособить.
 Журавль свой нос по шею
 Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею
 Кость вытащил и стал за труд просить.
 «Ты шутишь!» зверь вскричал коварный:
 «Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
 А это ничего, что свой ты долгий нос
 И с глупой головой из горла цел унес!
 Поди ж, приятель, убирайся,
 Да берегись: вперед ты мне не попадайся».

ПЧЕЛА И МУХИ

Две Мухи собрались лететь в чужие краи
 И стали подзывать с собой туда Пчелу:
 Им насказали попугаи
 О дальних сторонах большую похвалу.
 Притом же им самим казалось обидно,
 Что их на родине своей
 Везде гоняют из гостей;
 И даже до чего (как людям то не стыдно
 И что они за чудаки!):
 Чтоб поживиться им не дать сладостями
 За пышными столами,
 Придумали от них стеклянны колпаки;
 А в хижинах на них злодеи пауки.
 «Путь добрый вам», Пчела на это отвечала:
 «А мне
 И на моей приятно стороне.
 От всех за соты я любовь себе сыскала,
 От поселян и до вельмож.
 Но вы летите,
 Куда хотите!
 Везде вам будет счастье то ж:
 Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,
 Вы ни почтенны, ни любезны,
 А рады пауки лишь будут вам
 И там».

Кто с пользою отечеству трудится,
 Тот с ним легко не разлучится;
 А кто полезным быть способности лишен.
 Чужая сторона тому всегда приятна:
 Не бывши гражданин, там мене презрен он,
 И никому его там праздность не досадна.

МУРАВЕЙ

Какой-то Муравей был силы непомерной,
 Какой не слыхано ни в древни времена;
 Он даже (говорит его историк верный)
 Мог поднимать больших ячменных два зерна!
 Притом и в храбрости за чудо почитался:
     Где б ни завидел червяка,
     Тотчас в него впивался
 И даже хаживал один на паука.
     А тем вошел в такую славу
     Он в муравейнике своем,
 Что только и речей там было, что о нем.
 Я лишние хвалы считаю за отраву;
 Но этот Муравей был не такого нраву:
     Он их любил,
     Своим их чванством мерил
     И всем им верил;
 А ими наконец так голову набил,
     Что вздумал в город показаться,
     Чтоб силой там повеличаться.
     На самый крупный с сеном воз
     Он к мужику спесиво всполз
     И въехал в город очень пышно;
 Но ах, какой для гордости удар!
 Он думал, на него сбежится весь базар,
     Как на пожар,
     А про него совсем не слышно:
     У всякого забота там своя.
     Мой Муравей то, взяв листок, потянет,
     То припадет он, то привстанет:
     Никто не видит Муравья.
 Уставши наконец тянуться, выправляться,
     С досадою Барбосу он сказал,
 Который у воза хозяйского лежал:
     «Не правда ль, надобно признаться,
     Что в городе у вас
     Народ без толку и без глаз?
 Возможно ль, что меня никто не примечает,
     Как ни тянусь я целый час;
     А кажется, у нас
     Меня весь муравейник знает».
 И со стыдом отправился домой.

Так думает иной
     Затейник,
 Что он в подсолнечной гремит,
     А он — дивит
     Свой только муравейник.

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

К Крестьянину вползла Змея
 И говорит: «Сосед! начнем жить дружно!
 Теперь меня тебе стеречься уж не нужно;
 Ты видишь, что совсем другая стала я
 И кожу нынешней весной переменяла».
 Однакож Мужика Змея не убедила.
 Мужик схватил обух
 И говорит: «Хоть ты и в новой коже,
 Да сердце у тебя все то же».
 И вышиб из соседки дух.

Когда извериться в себе ты дашь причину,
 Как хочешь ты меняй личину:
 Себя под нею не спасешь,
 И что с Змеей, с тобой случиться может то ж.

ЛИСИЦА И ВИНОГРАД

Голодная кума-Лиса залезла в сад;
 В нем винограду кисти рделись.
 У кумушки глаза и зубы разгорелись;
 А кисти сочные, как яхонты, горят;
 Лишь то беда, висят они высоко:
 Отколь и как она к ним ни зайдет,
 Хоть видит око,
 Да зуб неймет.
 Пробившись попусту час целый,
 Пошла и говорит с досадою: «Ну что ж!
 На взгляд-то он хорош,
 Да зелен — ягодки нет зрелой:
 Тотчас оскомину набьешь».

ОВЦЫ И СОБАКИ

В каком-то стаде у Овец,
 Чтоб Волки не могли их более тревожить,
 Положено число Собак умножить.
 Что ж? Развелось их столько наконец,
 Что Овцы от Волков, то правда, уцелели,
 Но я Собакам надо ж есть, —
 Сперва с Овечек сняли шерсть.

А там, по жеребью, с них шкурки полетели,
А там осталось всего Овец пять-шесть,
И тех Собаки съели.

МЕДВЕДЬ В СЕТЯХ

Медведь

Попался в сеть.

Над смертью издали шути, как хочешь, смело,
Но смерть вблизи — совсем другое дело.
Не хочется Медведю умереть.

Не отказался бы мой Мишка и от драки,
Да весь опутан сетью он,
А на него со всех сторон
Рогатины, и ружья, и собаки:
Так драка не по нем.

Вот хочет Мишка взять умом

И говорит ловцу: «Мой друг, какой виною
Я проступился пред тобою?

За что моей ты хочешь головы?

Иль веришь клеветам напрасным на медведей,
Что злы они? Ах, мы совсем не таковы!

Я, например, пошлюсь на всех соседей,
Что изо всех зверей мне только одному

Никто не сделает упрека,

Чтоб мертвого я тронул человека».

— «То правда», отвечал на то ловец ему;

«Хвалю к усопшим я почтение такое;

Зато, где случай ты имел,

Живой уж от тебя не вырывался цел.

Так лучше бы ты мертвых ел

И оставлял живых в покое».

МАЛЬЧИК И ЧЕРВЯК

Не льстись предательством ты счастье сыскать!
У самых тех всегда в глазах предатель низок,
Кто при нужде его не ставит в грех ласкать;
И первый завсегда к беде предатель близок.

Крестьянина Червяк просил его пустить
В свой сад на лето погостить.

Он обещал вести себя там честно,

Не трогая плодов, листочки лишь глодать,
И то которые уж станут увядать.
Крестьянин судит: «Как пристанища не дать?
Ужли от Червяка в саду мне будет тесно?
Пускай его себе живет.
Притом же важного убытку быть не может,
Коль он листочка два-три сгложет».
Позволил, и Червяк на дерево ползет;
Нашел под веточкой приют от непогод;
Живет без нужды, хоть не пышно,
И про него совсем не слышно.
Меж тем уж золотит плоды лучистый царь.
Вот в самом том саду, где также спеть все стало,
Наливное, сквозное, как янтарь,
При солнце яблоко на ветке дозревало.
Мальчишка был давно тем яблоком пленен:
Из тысячи других его заметил он,
Да доступ к яблоку мудрен.
На яблоню Мальчишка лезть не смеет,
Ее тряхнуть он силы не имеет
И, словом, яблоко достать не знает как.
Кто ж в краже Мальчику помочь взялся? Червяк.
«Послушай», говорит: «я знаю это, точно
Хозяин яблоки велел снимать;
Так это яблоко обоим нам непрочно;
Однакож я берусь его достать,
Лишь поделись со мной. Себе ты можешь взять
Противу моего хоть вдесятеро боле;
А мне и самой малой доли
На целый станет век глодать».
Условье сделано: Мальчишка согласился;
Червяк на яблоню — и работать пустился;
Он яблоко в минуту подточил.
Но что ж в награду получил?
Лишь только яблоко упало,
И с семечками съел его Мальчишка мой;
А как за долей сполз Червяк долой,
То Мальчик Червяка расплющил под пятой:
И так ни Червяка, ни яблока не стало.

ТРУДОЛЮБИВЫЙ МЕДВЕДЬ

Увидя, что мужик, трудясь над дугами,
Их прибыльно сбывает с рук
(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),
Медведь задумал жить такими же трудами.
Пошел по лесу треск и стук,
И слышно за версту проказу.

Орешника, березника и вязу
 Мой Мишка погубил несметное число,
 А не дается ремесло.
 Вот идет к мужику он попросить совета
 И говорит: «Сосед, что за причина эта?
 Деревья-таки я ломать могу,
 А не согнул ни одного в дугу.
 Скажи, в чем есть тут главное уменье?»
 — «В том», отвечал сосед:
 «Чего в тебе, кум, вовсе нет:
 В теренье».

СОВЕТ МЫШЕЙ

Когда-то вздумалось Мышам себя прославить
 И, несмотря на кошек и котов,
 Свести с ума всех ключниц, поваров
 И славу о своих делах трубить заставить
 От погребов до чердаков;
 А для того Совет назначено составить,
 В котором заседать лишь тем, у коих хвост
 Длиной во весь их рост:
 Примета у Мышей, что тот, чей хвост длиннее,
 Всегда умнее
 И расторопнее везде.
 Умно ли то, теперь мы спрашивать не будем;
 Притом же об уме мы сами часто судим
 По платью иль по бороде.
 Лишь нужно знать, что с общего сужденья
 Всё длиннохвостых брать назначено в Совет;
 У коих же хвоста, к несчастью, нет,
 Хотя б лишились их они среди сраженья,
 Но так как это знак иль неуменья,
 Иль нераденья,
 Таких в Совет не принимать,
 Чтоб из-за них своих хвостов не растерять.
 Все дело слажено; повешено собрание,
 Как ночь настанет на дворе,
 И наконец в мучном ларе
 Открыто заседанье.
 Но лишь позаняли места,
 Ан, глядь, сидит тут крыса без хвоста.
 Примета то, седую Мышь толкает
 Мышонок молодой
 И говорит: «Какой судьбой
 Бесхвостая здесь с нами заседает?
 И где же делся наш закон?
 Дай голос, чтоб ее скорее выслать вон.

Ты знаешь, как народ бесхвостых наш не любит;
И можно ль, чтоб она полезна нам была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только нас, подполицу всю сгубит».
А Мышь в ответ: «Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

МЕЛЬНИК

У Мельника вода плотину прососала;
Беда б не велика сначала,
Когда бы руки приложить;
Но кстати ль? Мельник мой не думает тужить;
А течь день ото дня сильнее становится:
Вода так бьет, как из ведра.
«Эй, Мельник, не зевай! Пора,
Пора тебе за ум хватиться!»
А Мельник говорит: «Далёко до беды,
Не море надо мне воды,
И ею мельница по весь мой век богата».
Он спит, а между тем
Вода бежит, как из ушата.
И вот беда пришла совсем:
Стал жернов, мельница не служит.
Хватился Мельник мой: и охает, и тужит,
И думает, как воду уберечь.
Вот у плотины он, осматривая течь,
Увидел, что к реке пришли напиться куры.
«Негодные!» кричит: «хохлатки, дуры!
Я и без вас воды не знаю где достать;
А вы пришли ее здесь вдосталь допивать».
И в них поленом хватя!
Какое ж сделал тем себе подспорье?
Без кур и без воды пошел в свое подворье.

Видал я иногда,
Что есть такие господа
(И эта басенка им сделана в подарок),
Которым тысячей не жаль на вздор сорить,
А думают хозяйству подспорить,
Коль свечки сберегут огарок,
И рады за него с людьми поднять содом.
С такую бережью диковинка ль, что дом
Скорешенько пойдет вверх дном?

КРЕСТЬЯНИН И ЗМЕЯ

Когда почтен быть хочешь у людей,
С разбором заводи знакомства и друзей!

Мужик с Змеею подружился.
Известно, что Змея умна:
Так вкралась к Мужику она,
Что ею только он и клялся и божился.
С тех пор все прежние приятели, родня,
Никто к нему ногой не побывает.
«Помилуйте», Мужик пеняет:
«За что вы все покинули меня!
Иль угостить жена вас не умела?
Или хлеб-соль моя вам надоела?»
— «Нет, кум», Матвей сказал ему в ответ:
«К тебе бы рады мы, сосед;
И никогда ты нас (об этом слова нет)
Не огорчил ничем, не опечалил;
Но что за радость, рассуди,
Коль, сидя у тебя, того лишь и гляди,
Чтобы твой друг кого, подползши, не ужалил?»

СВИНЬЯ ПОД ДУБОМ

Свинья под дубом вековым
Наелась желудей досыта, доотвала;
Наевшись, выпалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит»,
Ей с дубу Ворон говорит:
«Коль корни обнажишь, оно засохнуть может».
— «Пусть сохнет», говорит Свинья:
«Ничуть меня то не тревожит;
В нем проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею;
Лишь были б жолуди: ведь я от них жирею».
— «Неблагодарная!» примолвил Дуб ей тут:
«Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
Тебе бы видно было,
Что эти жолуди на мне растут».

Невежда так же в ослепленье
Бранит науки и ученье
И все ученые труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

*Отколь и как она к ним ни зайдет,
Хоть видит око,
Да зуб неймет.*

ПАУК И ПЧЕЛА

По мне, таланты те негодны,
В которых Свету пользы нет,
Хоть иногда им и дивится Свет.

Купец на ярмарку привез полотна;
Они такой товар, что надобно для всех.
Купцу на торг пожаловаться грех:
Покупщиков отбою нет; у лавки
Доходит иногда до давки.
Увидя, что товар так ходко идет с рук,
Завистливый Паук
На барыши купца прельстился;
Задумал на продажу ткать,
Купца затеял подорвать
И лавочку открыть в окошке сам решился.
Основу основал, проткал насквозь всю ночь,
Поставил свой товар надиво,
Засел, надувшись, спесиво,
От лавки не отходит прочь
И думает: лишь только день настанет,
То всех покупателей к себе он переманит.
Вот день настал; но что ж? Проказника метлой
Смели и с лавочкой долой.
Паук мой бесится с досады.
«Вот», говорит: «жди праведной награды!
На весь я свет пошлюсь, чье тонее тканье:
Купцово иль мое?»
— «Твое: кто в этом спорить смеет?»
Пчела отвечает: «известно то давно;
Да что в нем проку, коль оно
Не одевает и не греет?»

ЛИСИЦА И ОСЕЛ

«Отколе, умная, бредешь ты, голова?»
Лисица, встретясь с Ослом, его спросила.
«Сейчас лишь ото Льва!
Ну, кумушка, куда его девалась сила:
Бывало зарычит, так стонет лес кругом
И я без памяти бегом,
Куда глаза глядят, от этого уroda;
А ныне, в старости, и дряхл и хил,
Совсем без сил,
Валяется в пещере, как колода.
Поверишь ли, в зверях
Пропал к нему весь прежний страх,
И поплатился он старинными долгами!»

Кто мимо Льва ни шел, всяк вымещал ему
 По-своему —
 Кто зубом, кто рогами...»
 — «Но ты коснуться Льву, конечно, не дерзнул?»
 Лиса Осла перерывает.
 «Вот-на!» Осел ей отвечает:
 «А мне чего робеть? и я его лягнул:
 Пускай ослиные копыты знает!»

Так души низкие, будь знатен, силен ты,
 Не смеют на тебя поднять они и взгляды;
 Но упали лишь с высоты —
 От первых жди от них обиды и досады.

МУХА И ПЧЕЛА

В саду весной, при легком ветерке,
 На тонком стебельке
 Качалась Муха, сидя,
 И, на цветке Пчелу увидя,
 Спесиво говорит: «Уж как тебе не лень
 С утра до вечера трудиться целый день!
 На месте бы твоём я в сутки захирела.
 Вот, например, мое
 Так, право, райское житье!
 За мною только лишь и дела —
 Летать по балам, по гостям;
 И, молвить не хвалясь, мне в городе знакомы
 Вельмож и богачей все дома.
 Когда б ты видела, как я пирую там!
 Где только свадьба, именины —
 Из первых я уж верно тут.
 И ем с фарфоровых богатых блюд,
 И пью из хрусталей блестящих сладки вины,
 И прежде всех гостей
 Беру, что вздумаю, из лакомых сластей;
 Притом же, жалуя пол нежный,
 Вкруг молодых красавиц व्यюсь
 И отдыхать у них сажусь
 На щечке розовой иль шейке белоснежной».
 — «Все это знаю я», отвечает Пчела:
 «Но в о том дошли мне слухи,
 Что никому ты не мила,
 Что на пирах лишь морщатся от Мухи,
 Что даже часто, где покажешься ты в дом,
 Тебя гоняют со стыдом».
 — «Вот», Муха говорит: «гоняют! Что ж такое?
 Коль выгонят в окно, так я влечу в другое».

ЗМЕЯ И ОВЦА

Змея лежала под колодой
 И злилася на целый свет;
 У ней другого чувства нет,
 Как злиться: создана уж так она природой.
 Ягненок вблизиности резвился и скакал;
 Он о Змее совсем не помышлял.
 Вот, выползши, она в него вонзает жало:
 В глазах у бедняка туманно небо стало;
 Вся кровь от яду в нем горит.
 «Что сделал я тебе?» Змее он говорит.
 «Кто знает? Может быть, ты с тем сюда забрался,
 Чтоб раздавить меня», шипит ему Змея:
 «Из осторожности тебя караю я».
 — «Ах, нет!» он отвечал — и с жизнью тут расстался.

В ком сердце так сотворено,
 Что дружбы, ни любви не чувствует оно
 И ненависть одну ко всем питает,
 Тот всякого своим злодеем почитает.

СОЛОВЬИ

Какой-то птицелов
 Весною наловил по рощам Соловьев.
 Певцы рассажены по клеткам и запели,
 Хоть лучше б по лесам гулять они хотели:
 Когда сидишь в тюрьме, до песен ли уж тут?
 Но делать нечего: поют —
 Кто с горя, кто от скуки.
 Из них один бедняжка Соловей
 Терпел всех боле муки:
 Он разлучен с подружкой был своей.
 Ему тошнее всех в неволе,
 Сквозь слез из клетки он посматривает в поле;
 Тоскует день и ночь;
 Однакож думает: «Злу грустью не помочь:
 Безумный плачет лишь от бедства,
 А умный ищет средства».
 Как делом горю пособить;
 И, кажется, беду могу я с шеи сбить:
 Ведь нас не с тем поймали, чтобы скушать.
 Хозяин, вижу я, охотник песни слушать.
 Так если голосом ему я угожу,
 Быть может, тем себе награду заслужу
 И он мою неволю окончат».
 Так рассуждал — и начал мой певец:

И песнью он зарю вечерню величает,
 И песнями восход он солнечный встречает.
 Но что же вышло наконец?
 Он только отягчил свою тем злую долю.
 Кто худо пел, для тех давно
 Хозяин отворил и клетки и окно
 И распустил их всех на волю;
 А мой бедняжка Соловей
 Чем пел приятней и нежней,
 Тем стерегли его плотней.

ГОЛИК

Запачканный Голик попал в большую честь —
 Уж он полов не будет в кухнях мечь:
 Ему поручены господские кафтаны
 (Как видно, слуги были пьяны).
 Вот развозился мой Голик:
 По платью барскому безустали колотит
 И на кафтанах он как будто рожь молотит.
 И подлинно, что труд его велик.
 Беда лишь в том, что сам он грязен, неопрятен.
 Что ж пользы от его труда?
 Чем больше чистит он, тем только больше пятен.

Бывает столько же вреда,
 Когда
 Невежда не в свои дела вpletется
 И поправлять труды ученого возьмется.

КРЕСТЬЯНИН И ОВЦА

Крестьянин позвал в суд Овцу;
 Он уголовное взвел на бедняжку дело;
 Судья — Лиса: оно в минуту закипело.
 Запрос ответчику, запрос истцу,
 Чтоб рассказать по пунктам и без крика:
 Как было дело, в чем улика?
 Крестьянин говорит: «Такого-то числа,
 Поутру, у меня двух кур не досчитались:
 От них лишь косточки да перышки остались;
 А на дворе одна Овца была».
 Овца же говорит: она всю ночь спала,

И всех соседей в том в свидетели звала,
 Что никогда за ней не знали никакого
     Ни воровства,
     Ни плутовства;
 А сверх того, она совсем не ест мясного.
 И приговор Лисы вот, от слова до слова:
 «Не принимать никак резонов от Овцы,
     Понеже хоронить концы
     Все плуты, ведомо, искусны;
 По справке ж явствует, что в сказанную ночь
 Овца от кур не отлучалась прочь,
     А куры очень вкусны,
     И случай был удобен ей, —
 То я сужу, по совести моей:
     Нельзя, чтоб утерпела
     И кур она не съела;
 И вследствие того казнить Овцу
 И мясо в суд отдать, а шкуру взять истцу».

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
 В лес овцу затащил, в укромный уголок,
     Уж разумеется, не в гости:
 Овечку бедную обжора ободрал,
     И так ее он убирал,
     Что на зубах хрустели кости.
 Но как ни жаден был, а съесть всего не мог;
 Оставил к ужину запас и подле лег
 Понезиться, вздохнуть от жирного обеда.
     Вот близкого его соседа,
 Мышонка, запахом пирушки привлекло.
 Меж мхов и кочек он тихохонько подкрался,
 Схватил кусок мяса — и с ним скорей убрался
     К себе домой, в дупло.
     Увидя похищенье,
     Волк мой
 По лесу поднял вой;
 Кричит он: «Караул! разбой!
 Держите вора! Разоренье:
 Расхитили мое именье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
 У Климыча-судьи часишки вор стянул,
     Он тож кричит на вора: караул!
     Хлопочет,
 Рад целый мир поднять вверх дном,
 А этого и вспомнить он не хочет,
 Что сам имение все нажил грабежом.

ДВА МУЖИКА

«Здорово, кум Фаддей!» — «Здорово, кум Егор!»
 — «Ну, каково, приятель, поживаешь?»
 — «Ох, кум, беды моей, что вижу, ты не знаешь!
 Бог посетил меня: я сжег дотла свой двор
 И по-миру пошел с тех пор».
 — «Как так? Плохая, кум, игрушка!»
 — «Да так! О Рождестве была у нас пирушка;
 Я со свечой пошел дать корму лошадям;
 Признаться, в голове шумело;
 Я как-то заронил, насилу спасся сам;
 А двор и все добро сгорело.
 Ну, ты как?» — «Ох, Фаддей, худое дело!
 И на меня прогневался, знать, бог:
 Ты видишь, я без ног;
 Как сам остался жив, считаю, право, дивом.
 Я тож о Рождестве пошел в ледник за пивом,
 И тоже чересчур, признаться, я хлебнул
 С друзьями полугару;
 А чтоб в хмелю не сделать мне пожару,
 Так я свечу совсем задул;
 Ан бес меня впотьмах так с лестницы толкнул,
 Что сделал из меня совсем не человека,
 И вот я с той поры калека».
 — «Пеняйте на себя, друзья!»
 Сказал им сват Степан: «Коль молвить правду, я
 Совсем не чту за чудо,
 Что ты сожег свой двор, а ты на костылях:
 Для пьяного и со свечою худо;
 Да вряд не хуже ль и впотьмах».

КОТЕНОК И СКВОРЕЦ

В каком-то доме был Скворец,
 Плохой певец,
 Зато уж философ презнатный,
 И свел с Котенком дружбу он.
 Котенок был уж котик презрядный,
 Но тих и вежлив и смирён.
 Вот как-то был в столе Котенок обделен.
 Бедняжку голод мучит:
 Задумчив бродит он, скучаючи постом;
 Поводит ласково хвостом
 И жалобно мяучит.
 А философ Котенка учит
 И говорит ему: «Мой друг, ты очень прост,
 Что терпишь добровольно пост;

А в клетке над носом твоим висит щегленок:
 Я вижу, ты прямой Котенок». — «Но совесть...» — «Как ты мало знаешь свет!
 Поверь, что это сущий бред
 И слабых душ одни лишь предрассудки,
 А для больших умов — пустые только шутки!
 На свете кто силен,
 Тот делать все волён.
 Вот доказательства тебе и вот примеры». —
 Тут, выведя их на свои манеры,
 Он философию всю вычерпал до дна.
 Котенку натошак понравилась она:
 Он вытащил и съел щегленка.
 Разлакомил кусок такой Котенка,
 Хотя им голода он утолить не мог.
 Однакоже второй урок
 С большим успехом слушал
 И говорит Скворцу: «Спасибо, милый кум!
 Наставил ты меня на ум».
 И, клетку разломав, учителя он скушал.

ДВЕ СОБАКИ

Дворовый верный пес
 Барбос,
 Который барскую усердно службу нес,
 Увидел старую свою знакомку
 Жужу, кудрявую болонку,
 На мягкой пуховой подушке, на окне.
 К ней ластяся, как будто бы к родне,
 Он с умиленья чуть не плачет
 И под окном
 Визжит, вертит хвостом
 И скачет.
 «Ну что, Жужутка, как живешь
 С тех пор, как господа тебя в хоромы взяли?
 Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
 Какую службу ты несешь?»
 — «На счастье грех роптать», Жужутка отвечает:
 «Мой господин во мне души не чаёт;
 Живу в довольстве и добре,
 И ем и пью на серебре;
 Развлюся с барином; а ежели устану,
 Валяюсь по коврам и мягкому дивану.
 Ты как живешь?» — «Я», отвечал Барбос,
 Хвост плетью опустя и свой повеса нос:
 «Живу попрежнему: терплю и холод
 И голод

И, сберегаючи хозяйский дом,
 Здесь под забором сплю и мокну под дождем;
 А если невпопад залаю,
 То и побои принимаю.
 Да чем же ты, Жужу, в случай попал,
 Бессилен бывши так и мал,
 Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?
 Чем служишь ты?» — «Чем служишь! Вот прекрасно!»
 С насмешкой отвечал Жужу:
 «На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят
 Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

КОШКА И СОЛОВЕЙ

Поймала Кошка Соловья,
 В бедняжку когти запустила
 И, ласково его сжимая, говорила:
 «Соловушка, душа моя!
 Я слышу, что тебя везде за песни славят
 И с лучшими певцами рядом ставят.
 Мне говорит Лиса-кума,
 Что голос у тебя так звонок и чудесен,
 Что от твоих прелестных песен
 Все пастухи, пастушки — без ума.
 Хотела б очень я сама
 Тебя послушать.
 Не трепещися так; не будь, мой друг, упрям;
 Не бойся: не хочу совсем тебя я кушать.
 Лишь спой мне что-нибудь: тебе я волю дам
 И отпущу гулять по рощам и лесам.
 В любви я к музыке тебе не уступаю
 И часто, про себя мурлыча, засыпаю».
 Меж тем мой бедный Соловей
 Едва-едва дышал в когтях у ней.
 «Ну, что же?» продолжает Кошка:
 «Пропой, дружок, хотя немножко».
 Но наш певец не пел, а только что пищал.
 «Так этим-то леса ты восхищал?»
 С насмешкою она спросила:
 «Где ж эта чистота и сила,
 О коих все безумолку твердят?
 Мне скучен писк такой и от моих котят.
 Нет, вижу, что в пеньё ты вовсе не искусен.
 Всё без начала, без конца.
 Посмотрим, на зубах каков-то будешь вкусен!»

*Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
Ворона с Павлими пошла гулять спесиво...*

И съела бедного певца —
До крошки.

Сказать ли на ушко яснее мысль мою?
Худые песни Соловью
В когтях у Кошки.

РЫБЬЯ ПЛЯСКА

От жалоб на судей,
На сильных и на богачей
Лев вышел из терпенья,
Пустился сам свои осматривать владенья.
Он идет, а Мужик, расклавши огонек,
Наудя рыб, изжарить их сбирался.
Бедняжки прыгали от жару кто как мог;
Всяк, видя близкий свой конец, метался.
На Мужика разинув зев,
«Кто ты? что делаешь?» спросил сердито Лев.
«Всесильный царь!» сказал Мужик оторопев;
«Я старостою здесь над водяным народом;
А это старшины, всё жители воды;
Мы собрались сюды
Поздравить здесь тебя с твоим приходом».
— «Ну, как они живут? Богат ли здешний край?»
— «Великий государь! Здесь не житье им — рай.
Богам о том мы только и молились,
Чтоб дни твои бесценные продлились».
(А рыбы между тем на сковородке бились.)
— «Да отчего же», Лев спросил, «скажи ты мне,
Они хвостами так и головами машут?»
— «О мудрый царь!» Мужик ответил: «оне
От радости, тебя увидя, пляшут».
Тут, старосту лизнув Лев милостиво в грудь,
Еще изволя раз на пляску их взглянуть,
Отправился в дальнейший путь.

БОРОНА

Утыкавши себе павлиным перьем хвост,
Ворона с Павами пошла гулять спесиво
И думает, что на нее
Родня и прежние приятели ее
Все заглядятся, как на диво;

Что Павам всем она сестра
 И что пришла ее пора
 Быть украшением Юнонина двора.
 Какой же вышел плод ее высокомерья?
 Что Павами она ощипана кругом
 И что, бежав от них едва не кувырком,
 Не говоря уж о чужом,
 На ней и своего осталось мало перья.
 Она было назад к своим; но те совсем
 Заклеванной Вороны не узнали,
 Ворону вдосталь ощипали,
 И кончились ее затей тем,
 Что от Ворон она отстала,
 А к Павам не пристала.

Я эту басенку вам былью поясню.
 Матрене, дочери купецкой, мысль припала,
 Чтоб в знатную войти родню.
 Приданого за ней полмиллиона.
 Вот выдали Матрену за Барона.
 Что ж вышло? Новая родня ей колет глаз
 Попреком, что она мещанкой родилась,
 А старая за то, что к знатым приплелась:
 И сделалась моя Матрена
 Ни Пава, ни Ворона.

ПЕСТРЫЕ ОВЦЫ

Лев пестрых невзлюбил Овец.
 Их просто бы ему перевести не трудно;
 Но это было бы неправосудно —
 Он не на то в лесах носил венец,
 Чтоб подданных душить, но им давать расправу;
 А видеть пеструю Овцу терпенья нет!
 Как сбуть их и сберечь свою на свете славу?
 И вот к себе зовет
 Медведя он с Лисою на совет
 И им за тайну открывает,
 Что, видя пеструю Овцу, он всякий раз
 Глазами целый день страдает
 И что придет ему совсем лишиться глаз,
 И как такой беде помочь, совсем не знает.
 «Всесильный Лев!» сказал, насупясь, Медведь:
 «На что тут много разговоров?
 Вели без дальних сборов
 Овец передушить. Кому о них жалеть?»
 Лиса, увидевши, что Лев нахмурил брови,
 Смирненно говорит: «О царь! наш добрый царь!

Ты, верно, запретишь гнать эту бедну тварь
 И не прольешь невинной крови.
 Осмелюсь я совет иной произнести:
 Дай повеленье ты луга им отвести,
 Где б был обильный корм для маток
 И где бы поскакать, побегать для ягнят;
 А так как в пастухах у нас здесь недостаток,
 То прикажи Овец волкам пасти.
 Не знаю, как-то мне сдается,
 Что род их сам собой переведется.
 А между тем пускай блаженствуют оне;
 И что б ни сделалось, ты будешь в стороне». —
 Лисицы мнение в совете силу взяло, —
 И так удачно в ход пошло, что наконец
 Не только пестрых там Овец —
 И гладких стало мало.
 Какие ж у зверей пошли на это толки? —
 Что Лев бы и хорош, да всё злодеи волки.

ЛЕВ СОСТАРЕВШИЙСЯ

Могучий Лев, гроза лесов,
 Постигнут старостью, лишился силы:
 Нет крепости в когтях, нет острых тех зубов,
 Чем наводил он ужас на врагов,
 И самого едва таскают ноги хилы.
 А что всего больней,
 Не только он теперь не страшен для зверей,
 Но всяк, за старые обиды Льва в отмщенье,
 Наперерыв ему наносит оскорбленье:
 То гордый конь его копытом крепким бьет,
 То зубом волк рванет,
 То острым рогом вол боднет.
 Лев бедный в горе толь великом,
 Сжав сердце, терпит все и ждет кончины злой,
 Лишь изъясняя ропот свой
 Глухим и томным рыком.
 Как видит, что осел туда ж, натужа грудь,
 Сбирается его лягнуть
 И смотрит место лишь, где б было побольнес.
 «О боги!» возопил, стеная, Лев тогда:
 «Чтоб не дожить до этого стыда,
 Пошлите лучше мне один конец скорее!
 Как смерть моя ни зла,
 Все легче, чем терпеть обиды от осла».

БЕЛКА

У Льва служила Белка,
 Не знаю как и чем; но только дело в том,
 Что служба Белкина угодна перед Львом;
 А угодить на Льва, конечно, не безделка.
 За то обещан ей орехов целый воз.
 Обещан — между тем все время улетает,
 А Белочка моя нередко голодает
 И скалит перед Львом зубки свои сквозь слез.
 Посмотрит: по лесу то там, то сям мелькают
 Ее подружки в вышине;
 Она лишь глазками моргает, а оне
 Орешки, знай себе, щелкают да щелкают;
 Но наша Белочка к орешнику лишь шаг,
 Глядит — нельзя никак:
 На службу Льву ее то кличут, то толкают.
 Вот Белка наконец уж стала и стара
 И Льву наскучила: в отставку ей пора.
 Отставку Белке дали,
 И точно, целый воз орехов ей прислали.
 Орехи славные, каких не видел свет;
 Все на-отбор: орех к ореху — чудо!
 Одно лишь только худо:
 Давно зубов у Белки нет.

ЩУКА

На Щуку подан в суд донос,
 Что от нее житья в пруде не стало;
 Улик представлен целый воз,
 И виноватую, как надлежало,
 На суд в большой лохани принесли.
 Судьи невдалеке сбирались:
 На ближнем их лугу пасли;
 Однакож имена в архиве их остались:
 То были два Осла,
 Две Клячи старые да два иль три Козла;
 Для должного ж в порядке дел надзора
 Им придана была Лиса за прокурора.
 И слух между народа шел,
 Что Щука Лисаньке снабжала рыбный стол;
 Со всем тем не было в судьях лицеприязни,
 И то сказать, что Щукиных проказ
 Удобства не было закрыть на этот раз.
 Так делать нечего: пришло писать указ,
 Чтоб виноватую предать позорной казни
 И, в страх другим, повесить на суку.

«Почтенные судьи!» Лиса тут приступила:
 «Повесить мало: я б ей казнь определила,
 Какой не видано у нас здесь навеку:
 Чтоб было впредь плутам и страшно и опасно,
 Так утопить ее в реке». — «Прекрасно!»
 Кричат судьи. На том решили все согласно,
 И Щуку бросили — в реку!

КУКУШКА И ОРЕЛ

Орел пожаловал Кукушку в Соловьи.
 Кукушка в новом чине,
 Усевшись важно на осине,
 Таланты в музыке свои
 Выказывать пустилась;
 Глядит — все прочь летят,
 Одни смеются ей, а те ее бранят.
 Моя Кукушка огорчилась,
 И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.
 «Помилуй!» говорит: «по твоему веленью
 Я Соловьем в лесу здесь названа;
 А моему смеяться смеют пенью!»
 — «Мой друг!» Орел в ответ: «я царь, но я не бог.
 Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.
 Кукушку Соловьем честить я мог заставить;
 Но сделать Соловьем Кукушки я не мог».

БРИТВЫ

С знакомцем съехавшись однажды я в дороге,
 С ним вместе на одном ночлеге ночевал.
 Поутру, чуть лишь я глаза продрал,
 И что же узнаю? — Приятель мой в тревоге:
 Вчера заснули мы меж шуток, без забот;
 Теперь я слушаю — приятель стал не тот.
 То вскрикнет он, то охнет, то вздохнет.
 «Что случилось с тобой? мой милый!.. Я надеюсь,
 Не болен ты». — «Ох! ничего: я бреюсь».
 — «Как! только?» Тут я встал — гляжу: проказник мой
 У зеркала сквозь слез так кисло морщит рожу,
 Как будто бы с него содрать собирались кожу.
 Узнавши наконец вину беды такой,
 «Что дива?» я сказал: «ты сам себя тиранишь».

Пожалуй, посмотри:
 Ведь у тебя не Бритвы — косари;
 Не бриться — мучиться ты только с ними станешь».
 — «Ох, братец, признаюсь,
 Что Бритвы очень тупы!
 Как этого не знать? Ведь мы не так уж глупы;
 Да острыми-то я порезаться боюсь».
 — «А я, мой друг, тебя уверить смею,
 Что Бритвою тупой изрежешься скорей,
 А острою обреешься верней:
 Умей владеть лишь ею».

Вам пояснить рассказ мой я готов:
 Не так ли многие, хоть стыдно им признаться,
 С умом людей — бояся,
 И терпят при себе охотней дураков?

БЕДНЫЙ БОГАЧ

«Ну стоит ли богатым быть,
 Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
 И только деньги лишь копить?
 Да и на что? Умрем, ведь всё оставим.
 Мы только лишь себя и мучим и бесславим.
 Нет, если б мне далось богатство на удел,
 Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
 Чтоб жить роскошно, пышно,
 И о моих пирах далёко б было слышно;
 Я даже делал бы добро другим.
 А богачей скупых на муку жизнь похожа».
 Так рассуждал Бедняк с собой самим
 В лачужке низменной, на голой лавке лежа;
 Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез,
 Кто говорит, колдун, кто говорит, что бес —
 Последнее едва ли не вернее:
 Из дела будет то виднее, —
 Предстал — и начал так: «Ты хочешь быть богат,
 Я слышал, для чего; служить я другу рад.
 Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
 Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
 Итак, приятель мой,
 Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
 Возьми ж и из него без счету вынимай,
 Доколе будешь ты доволен;
 Но только знай:
 Истратить одного червонца ты не волен,
 Пока в реку не бросишь кошелька».
 Сказал — и с кошельком оставил Бедняка.

Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелек принялся,
И что ж? — Чуть верится ему, что то не сон:
    Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастье продлится!»
    Бедняк мой говорит:
«Червонцев я себе повытаскаю груды;
    Так завтра же богат я буду
    И заживу, как сибарит».
Однакож поутру он думает другое.
«То правда», говорит: «теперь я стал богат;
    Да кто ж добру не рад!
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
    Неужто лень
Над кошельком еще провести хоть день!
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
    Но если закупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
    Так, удержу чудесный кошелек:
    Уж так и быть, еще я поговее
    Один денек,
    А впрочем, ведь пожить всегда успею».
Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год —
Бедняк мой потерял давно в червонцах счет;
    Меж тем он скудно ест и скудно пьет,
Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.
    День кончится, и, по его расчёту,
Ему всегда чего-нибудь недостает.
    Лишь кошелек нести сберется,
    То сердце у него сожмется:
    Придет к реке — воротится опять.
«Как можно», говорит, «от кошелька отстать,
Когда мне золото рекою само льется?»
    И наконец Бедняк мой поседел,
    Бедняк мой похудел;
Как золото его, Бедняк мой пожелтел.
Уж и о пышности он боле не смекает:
Он стал и слаб и хил; здоровье и покой,
Утрагил всё, но всё дрожащею рукой
    Из кошелька червонцы вон таскает.
    Таскал, таскал... и чем же кончил он?
На лавке, где своим богатством любовался,
    На той же лавке он скончался,
Досчитывая свой девятый миллион.

Б У Л А Т

Булатной сабли острый клинок
 Зброшен был в железный хлам;
 С ним вместе вынесен на рынок
 И мужику задаром продан там.
 У мужика затей не велики:
 Он отыскал тотчас в булате прок.
 Мужик мой насадил на клинок черенок
 И стал булатом драть в лесу на лапти лыки,
 А дома запросто лучину им щепать,
 То ветви у плетня, то сучья обрубать
 Или обтесывать тычины к огороду.
 Ну, так, что не прошло и году,
 Как мой булат в зубах и в ржавчине кругом,
 И дети ездят уж на нем
 Верхом.
 Вот еж, в избе под лавкой лежа,
 Куда и клинок брошен был,
 Однажды так Булату говорил:
 «Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
 И если про Булат
 Так много громкого не ложно говорят:
 Не стыдно ли тебе щепать лучину
 Или обтесывать тычину
 И, наконец, игрушкой быть ребятам?»
 — «В руках бы война врагам я был ужасен»,
 Булат отвечает: «а здесь мой дар напрасен;
 Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому:
 Но разве я свободен?
 Нет, стыдно то не мне, а стыдно лишь тому,
 Кто не умел понять, к чему я годен...»

К У П Е Ц

«Поди-ка, брат Андрей!
 Куда ты там запал? Поди сюда скорей
 Да подивуйся дяде!
 Торгуй по-моему, ты будешь не в накладе». —
 Так в лавке говорил племяннику Купец:
 «Ты знаешь польского сукна конец,
 Который у меня так долго залежался,
 Затем что он и стар, и подмочён, и гнил:
 Ведь это я сукно за английское сбыв!
 Вот видишь, сей лишь час взял за него сотняжку:
 Бог олушка послал».
 — «Всё это, дядя, так», племянник отвечал:
 «Да в олухи-то, я не знаю, кто попал;
 Вглядись-ко: ты ведь взял фальшивую бумажку».

*«О боги!» возопил, стеля, Лев тогда:
«Чтоб не дожить до этого стыда,
Пошлите лучше мне один конец скорее!»*

Обманут! Обманул Купец: в том дива нет;
 Но если кто на свет
 Повыше лавок взглянет,
 Увидит, что и там на ту же стать идет;
 Почти у всех во всем один расчет:
 Кого кто лучше проведет
 И кто кого хитрей обманет.

ПУШКИ И ПАРУСА

На корабле у Пушек с Парусами
 Восстала страшная вражда.
 Вот Пушки, выставясь из бóртов вон носами,
 Роптали так пред небесами:
 «О боги! видано ль когда,
 Чтобы ничтожное холстинное творенье
 Равняться в пользах нам имело дерзновенье?
 Что делают они во весь наш трудный путь?
 Лишь только ветер станет дуть,
 Они, надув спесиво грудь,
 Как будто важного какого сану,
 Несутся гоголем по океану
 И только чванятся; а мы — громим в боях!
 Не нами ль царствует корабль наш на морях!
 Не мы ль несем с собой повсюду смерть и страх?
 Нет, не хотим жить боле с Парусами;
 Со всеми мы без них управимся и сами;
 Лети же, помоги, могучий нам Борей,
 И изорви в клочки их поскорей!»
 Борей послушался — летит, дохнул, и вскоре
 Насупилось и почернело море;
 Покрылись тучею тяжелой небеса;
 Валы вздымаются и рушатся, как горы;
 Гром оглушает слух; слепит блеск молний взоры;
 Борей ревет и рвет в лоскутья Паруса.
 Не стало их, утихла непогода;
 Но что ж? Корабль без Парусов
 Игрушкой стал и ветров и валов,
 И носится он в море, как колода;
 А в первой встрече со врагом,
 Который вдоль его всем бортом страшно грянул,
 Корабль мой недвижим: стал скоро решетом,
 И с Пушками, как ключ, он кó дну канул.

Держава всякая сильна,
 Когда устроены в ней все премудро части:
 Оружием — врагам она грозна,
 А Паруса — гражданские в ней власти.

МИРОН

Жил в городе богач по имени Мирон.
 Я имя вставил здесь не с тем, чтоб стих наполнить;
 Нет, этаких людей не худо имя помнить.
 На богача кричат со всех сторон
 Соседи, а едва ль соседи и не правы,
 Что будто у него в шкатулке миллион,
 А бедным никогда не даст копейки он.
 Кому не хочется нажать хорошей славы?
 Чтоб толкам о себе другой дать оборот,
 Мирон мой распустил в народ,
 Что нищих впредь кормить он будет по субботам.
 И подлинно, кто ни придет к воротам —
 Они не заперты никак.
 «Ахти!» подумают: «бедняжка разорился!»
 Не бойтесь, скряга умудрился:
 В субботу с цепи он спускает злых собак,
 И нищему не то чтоб пить иль наедаться, —
 Дай бог здоровому с двора убраться.
 Меж тем Мирон пошел едва не во святых.
 Все говорят: «Нельзя Мирону надивиться;
 Жаль только, что собак таких он держит злых
 И трудно до него добиться:
 А то он рад последним поделиться».

Видать случалось часто мне,
 Как доступ не легок в высокие палаты;
 Да только всё собаки виноваты —
 Мироны ж сами в стороне.

СОБАКА И ЛОШАДЬ

У одного крестьянина служба,
 Собака с Лошадью считаются как-то стали.
 «Вот», говорит Барбос, «большая госпожа!
 По мне, хоть бы тебя совсем с двора согнали.
 Велика вещь возить или пахать!
 Об удалстве твоём другого не слышать;
 И можно ли тебе равняться в чем со мною?
 Ни днем, ни ночью я не ведаю покою:
 Днем стадо под моим надзором на лугу,
 А ночью дом я стерегу».

— «Конечно», Лошадь отвечала:
 «Твоя правдива речь;
 Однакоже, когда б я не пахала,
 То нечего б тебе здесь было и стеречь».

ФИЛИН И ОСЕЛ

Слепой Осел в лесу с дороги сбился
 (Он в дальний путь было пустился).
 Но к ночи в чащу так забрел мой сумасброд,
 Что двинуться не мог ни взад он, ни вперед;
 И зрячему бы тут не выйти из хлопот,
 Но Филин вблизи, по счастью, случился
 И взялся быть Ослу проводником.
 Все знают, Филины как ночью зорки:
 Стремнины, рвы, бугры, пригорки —
 Все это различал мой Филин, будто днем.
 И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.
 Ну как с проводником таким расстаться?
 Вот просит Филина Осел, чтоб с ним остаться,
 И вздумал изойти он с Филином весь свет.
 Мой Филин господином
 Уселся на хребте Ослином,
 И стали путь держать; счастливо ль только? Нет:
 Лишь солнце на небе поутру заиграло,
 У Филина в глазах темнее ночи стало.
 Однакож Филин мой упрямя;
 Ослу советует и вкось и впрямь:
 «Остерегись!» кричит: «направо будем в луже».
 Но лужи не было, а влево вышло хуже.
 «Еще левей возьми, еще левее шаг!»
 И — бух Осел, и с Филином, в овраг.

ЗМЕЯ

Змея Юпитера просила,
 Чтоб голос дать ей соловья,
 «А то уж», говорит, «мне жизнь моя постыла.
 Куда ни покажуся я,
 То все меня дичатся,
 Кто послабей;
 А кто меня сильней,
 Дай бог от тех живой убраться.
 Нет, жизни этакой я боле не снесу;
 А если б соловьем запела я в лесу,
 То, возбуждая бы удивленье,
 Снискала бы любовь и, может быть, почтенье,
 И стала бы душой веселых я бесед».
 Исполнил Юпитер Змеи прошение:
 Шипенья гнусного пропал у ней и след.
 На дерево всползла, Змея на нем засела,
 Прекрасным соловьем Змея моя запела,
 И стая было птиц отвсюду к ней подсела;

Но, въззряся в певца, все с дерева дождем.
 Кому понравится такой прием?
 «Ужли вам голос мой противен?»
 В досаде говорит Змея.
 «Нет», отвечал Скворец: «он звучен, дивен,
 Поешь, конечно, ты не хуже соловья;
 Но, признаюсь, в нас сердце задрожало,
 Когда увидели твое мы жало;
 Нам страшно вместе быть с тобой.
 И так скажу тебе, не для досады:
 Твоих мы песен слушать рады —
 Да только ты от нас подале пой».

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал —
 Не в гости, но живот спасая;
 За шкуру он свою дрожал:
 Охотники за ним гнались и гончих стая.
 Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
 Да то лишь горе,
 Что все ворота на запоре.
 Вот видит Волк мой на заборе
 Кота
 И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,
 Кто здесь из мужичков добрее,
 Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
 Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!
 Все это ведь за мной». — «Проси скорей Степана;
 Мужик предобрый он», Кот-Васька говорит.
 — «То так; да у него я ободрал барана».
 — «Ну, попытайся ж у Демьяна».
 — «Боюсь, что на меня и он сердит:
 Я у него унес козленка».
 — «Беги ж, вон там живет Трофим».
 — «К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:
 Он на меня с весны грозитя за ягненка!»
 — «Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клиим!»
 — «Ох, Вася, у него зарезал я теленка!»
 — «Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил»,
 Сказал тут Васька Волку:
 «Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
 Нет, в наших мужичках не столько мало толку,
 Чтоб на свою беду тебя спасли они.
 И правы — сам себя вини:
 Что ты посеял — то и жни».

ВОДОПАД И РУЧЕЙ

Кипящий Водопад, свергаясь со скал,
Целебному ключу с надменностью сказал
(Который под горой едва лишь был приметен,
Но силой славился лечебною своею):
«Не странно ль это? Ты так мал, водой так беден,
А у тебя всегда премножество гостей?
Немудрено, коль мне приходит кто дивиться;
К тебе зачем идут?» — «Лечиться»,
Смиренно прожурчал Ручей.

ЛЕВ

Когда уж Лев стал хил и стар,
То жесткая ему постелья надоела:
В ней больно и костям; она ж его не грела.
И вот сзывает он к себе своих бояр,
Медведей и волков пушистых и косматых,
И говорит: «Друзья! для старика
Постель моя уж чересчур жестка:
Так как бы, не тягча ни бедных, ни богатых,
Мне шерсти пособрать,
Чтоб не на голых камнях спать».
— «Светлейший Лев!» ответствуют вельможи:
«Кто станет для тебя жалеть своей
Не только шерсти — кожи,
И мало ли у нас мохнатых здесь зверей:
Олени, серны, козы, лани,
Сни почти не платят дани;
Набрать с них шерсти поскорей:
От этого их не убудет.
Напротив, им же легче будет».
И тотчас выполнен совет премудрый сей.
Лев не нахвалится усердием друзей;
Но в чем же то они усердие явили?
Тем, что бедняжек захватили
И дочиста обрили,
А сами, вдвое хоть богаче шерстью были,
Не поступились своим ни волоском;
Напротив, всяк из них, кто близко тут случился,
Из той же дани поживился —
И на зиму себе запасся тюфяком.

ПАСТУХ

У Саввы, Пастуха (он барских пас овец),
Вдруг убывать овечки стали.

Наш молодец

В кручине и печали:

Всем плачется и распускает толк,
Что страшный показался волк,
Что начал он овец таскать из стада
И беспощадно их дерет.

«И не диковина», твердит народ:

«Какая от волков овцам пощада!»

Вот волка стали стеречи.

Но отчего ж у Саввушки в печи

То щи с бараниной, то бок бараний с кашей?

(Из поваренков за грехи

В деревню он был сослан в пастухи:

Так кухня у него немножко схожа с нашей.)

За волком поиски; клянет его весь свет;

Обшарили весь лес — а волка следу нет.

Друзья! Пустой ваш труд: на волка только слава,

А ест овец-то Савва.

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном

Помещичьих хором

Народ толпился.

На Белку в колесе зевал он и дивился.

Вблизи с березы ей дивился тоже дрозд:

Так бегала она, что лапки лишь мелькали

И раздувался пышный хвост.

«Землячка старая», спросил тут дрозд: «нельзя ли

Сказать, что делаешь ты здесь?»

— «Ох, милый друг! Тружусь день весь:

Я по делам гонцом у барина большого;

Ну некогда ни пить, ни есть,

Ни даже духу перевесть».

И Белка в колесе бежать пустилась снова.

«Да», улетаю, дрозд сказал: «то ясно мне,

Что ты бежишь — а все на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:

Хлопочет, мечется, ему дивятся все:

Он, кажется, из кожи рвется,

Да только все вперед не подается,

Как Белка в колесе.

Л И С А

Зимой ранехонько близ жила
 Лиса у проруби пила в большой мороз.
 Меж тем, оплошность ли, судьба ль (не в этом сила),
 Но кончик хвостика Лисица замочила,
 И ко льду он примерз.
 Беда невелика, легко б ее поправить:
 Рвануться только посильней
 И волосков хотя десятка два оставить,
 Но до людей
 Домой убраться поскорей.
 Да как испортить хвост? А хвост такой пушистый,
 Раскидистый и золотистый!
 Нет, лучше подождать — ведь спит еще народ, —
 А между тем, авось, и оттепель придет,
 Так хвост от проруби оттает.
 Вот ждет-пождет, а хвост лишь боле примерзает.
 Глядит — и день светает.
 Народ шевелится, и слышны голоса.
 Тут бедная моя Лиса
 Туда-сюда метаться;
 Но уж от проруби не может оторваться.
 По счастью, Волк бежит. «Друг милый! кум! отец!»
 Кричит Лиса: «спаси! Пришел совсем конец!»
 Вот кум остановился
 И в спасенье Лисы вступился.
 Прием его был очень прост:
 Он начисто отгрыз ей хвост.
 Тут без хвоста домой моя пустилась дура.
 Уж рада, что на ней цела осталась шкура.

Мне кажется, что смысл не темен басни сей:
 Щепотки волосков Лиса не пожалей —
 Остался б хвост у ней.

В О Л К И И О В Ц Ы

Овечкам от Волков совсем житья не стало,
 И до того, что наконец
 Правительство зверей благие меры взяло
 Вступиться в спасенье Овец, —
 И учрежден Совет на сей конец.
 Большая часть в нем, правда, были Волки;
 Но не о всех Волках ведь злые толки.
 Видали и таких Волков, и многократ, —
 Примеры эти не забыты, —
 Которые ходили близко стад
 Смирнехонько — когда бывали сыты.

Так почему ж Волкам в Совете и не быть?
 Хоть надобно Овец оборонить,
 Но и Волков не вовсе ж притеснить.
 Вот заседание в глухом лесу открыли;
 Судили, думали, рядили
 И наконец придумали закон.
 Вот вам от слова в слово он:
 «Как скоро Волк у стада забуянит
 И обижать он Овцу станет,
 То Волка тут властна Овца,
 Не разбираючи лица,
 Схватить за шиворот и в суд тотчас представить
 В соседний лес иль в бор».
 В законе нечего прибавить, ни убавить.
 Да только я видал: до этих пор —
 Хоть говорят: Волкам и не спускают —
 Что будь Овца ответчик иль истец:
 А только Волки все-таки Овец
 В лесг таскают.

КРЕСТЬЯНИН И СОБАКА

У мужика, большого эконома,
 Хозяина зажиточного дома,
 Собака нанялась и двор стеречь,
 И хлебы печь,
 И сверх того, полоть и поливать рассаду.
 Какой же выдумал он вздор,
 Читатель говорит, — тут нет ни складу,
 Ни ладу.
 Пускай бы стеречи уж двор;
 Да видано ль, чтоб где собаки хлеб пекали
 Или рассаду поливали?
 Читатель! я бы был неправ кругом,
 Когда сказал бы: «да»; да дело здесь не в том,
 А в том, что наш Барбос за все за это взялся
 И вымолвил себе он плату за троих;
 Барбосу хорошо: что нүжды до других.
 Хозяин между тем на ярмарку собрался,
 Поехал, погулял — приехал и назад,
 Посмотрит — жизни стал не рад,
 И рвет и мечет он с досады!
 Ни хлеба дома, ни рассады,
 А сверх того, к нему на двор
 Залез и клеть его обкрал начисто вор.
 Вот на Барбоса тут посыпалось руганье;
 Но у него на все готово оправданье:
 Он за рассадую печь хлеб никак не мог;

Рассадник оттого лишь только не удался,
 Что, сторожá вокруг двора, он стал без ног;
 А вора он затем не устерег,
 Что хлебы печь тогда сбирался.

ДВА МАЛЬЧИКА

«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
 Опять нас не погнали в класс,
 Пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов!»
 — «Нет, Федя, те каштаны не про нас!
 Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
 Тебе, ни мне туда не взлезть,
 И нам каштанов тех не есть!»
 — «И, милый, да на что ж догадка!
 Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
 Я все придумал: погоди!
 На ближний сук меня лишь подсади.
 А там мы сами умудримся
 И досыта каштанов наедемся».
 Вот к дереву друзья со всех несутся ног.
 Тут Сеня помогать товарищу принялся,
 Пыхтел, весь потом обливался
 И Феде наконец вскарабкаться помог.
 Взобрался Федя на приволье:
 Как мышке в закроме, вверху ему раздолье!
 Каштанов там не только всех не съесть, —
 Не перечесть!
 Найдется чем и поживиться
 И с другом поделиться.
 Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
 Он, бедный, нанизу облизывал лишь губки;
 Федюша сам вверху каштаны убирал,
 А другу с дерева бросал одни скорлупки.

Видал Федюш на свете я,
 Которым их друзья
 Вскарabкаться наверх усердно помогали,
 А после уж от них — скорлупки не видали!

ЛЕВ И МЫШЬ

У Льва просила Мышь смиренно позволения
 Поблизости его в дупле завести селенье
 И так примолвила: «Хотя-де здесь, в лесах,
 Ты и могуч и славен;
 Хоть в силе Льву никто не равен
 И рев один его на всех наводит страх, —
 Но будущее кто угадывать возьмется —
 Как знать? кому в ком нужда доведется?
 И как я ни мала кажусь,
 А, может быть, подчас тебе и пригожусь».
 — «Ты!» вскрикнул Лев: «Ты, жалкое созданье!
 За эти дерзкие слова
 Ты стоишь смерти в наказанье!
 Прочь, прочь отсель, пока жива,
 Иль твоего не будет праху».
 Тут Мышка бедная, не вспомнясь от страху,
 Со всех пустилась ног — простыл ее и след.
 Льву даром не прошла, однакож, гордость эта:
 Отправяся искать добычи на обед,
 Попался он в тенета.
 Без пользы сила в нем, напрасен рев и стон;
 Как он ни рвался, ни метался,
 Но все добычею охотника остался
 И в клетке напоказ народу увезён.
 Про Мышку бедную тут поздно вспомнил он,
 Что бы помочь она ему сумела,
 Что сеть бы от ее зубов не уцелела
 И что его своя кичливость съела.

Читатель, истину любя,
 Примолвлю к басне я, и то не от себя,
 Не попусту в народе говорится:
 Не плюй в колодец, пригодится
 Воды напиться.

КУКУШКА И ПЕТУХ

«Как, милый Петушок, поешь ты громко, важно!»
 — «А ты, Кукушечка, мой свет,
 Как тянешь плавно и протяжно:
 Во всем лесу у нас такой певички нет!»
 — «Тебя, мой куманек, век слушать я готова».
 — «А ты, красавица, боюсь,
 Лишь только замолчишь, то жду я не дождусь,
 Чтоб началá ты снова...
 Отколь такой берется голосок?»

И чист, и нежен, и высок!..
 Да вы уж родом так: собою невелички,
 А песни — что твой соловей!»
 — «Спасибо, кум; зато, по совести моей,
 Поешь ты лучше райской птички.
 На всех ссылаюсь в этом я».
 Тут Воробей, случась, примолвил им: «Друзья!
 Хоть вы охрипните, хваля друг дружку,
 Все ваша музыка плоха!..»

За что же, не боясь греха,
 Кукушка хвалит Петуха?
 За то, что хвалит он Кукушку.

ВЕЛЬМОЖА

Какой-то в древности Вельможа
 С богато убранного ложа
 Отправился в страну, где царствует Плутон.
 Сказать простее — умер он;
 И так, как встарь велось, в аду на суд явился.
 Тотчас допрос ему: «Чем был ты? где родился?»
 — «Родился в Персии, а чином был сатрап;
 Но так как, живучи, я был здоровьем слаб,
 То сам я областью не правил,
 А все дела секретарю оставил».
 — «Что ж делал ты?» — «Пил, ел и спал,
 Да все подписывал, что он ни подавал».
 — «Скорей же в рай его!» — «Как! где же справедливость?»
 Меркурий тут вскричал, забывши всю учтивость.
 — «Эх, братец!» отвечал Эак:
 «Не знаешь дела ты никак.
 Не видишь разве ты? Покойник был дурак!
 Что если бы с такою властью
 Взялся он за дела, к несчастью?
 Ведь погубил бы целый край!..
 И ты б там слез не обобрался!
 Затем-то и попал он в рай,
 Что за дела не принимался».

Вчера я был в суде и видел там судью:
 Ну так и кажется, что быть ему в раю!

ОБЪЯСНЕНИЕ НЕПОНЯТНЫХ СЛОВ, ИСТОРИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН

Аврора — у древних римлян богиня утренней зари; в поэтическом языке — утренняя зоря.

Аир — болотное растение.

Альт — струнный инструмент, несколько ниже настроенный, чем скрипка.

Апеллес — знаменитый древнегреческий живописец, живший в IV веке до н. э.

Аркадия — гористая область в Греции (на полуострове Пелопоннес), жители которой, пастухи и земледельцы, пользовались у древних греков славой гостеприимного, счастливого народа; поэты изображали Аркадию страной мирного счастья.

Ахиллес — храбрый древнегреческий легендарный герой.

Бережь — бережливость, расчет.

Беремя — то же, что бремя, тяжесть.

Бас — струнный инструмент для исполнения наиболее низких партий.

Борей — у древних греков название северного ветра.

Бостон — карточная игра. На званых вечерах в карты играли люди пожилые, а молодежь танцевала. Поэтому, когда «разборчивая невеста» состарилась, ее стали приглашать «на бостон».

Боярщина — барщина.

Вандалы — одно из германских племен, в V веке н. э. разграбившее Рим и безжалостно уничтожившее многие памятники римской культуры; в переносном смысле вандалы — разрушители культуры.

Вертопрашен — легкомыслен, неоснователен.

Вещунья — предсказательница, прорицательница. В народных поверьях, легендах и сказках ворон, ворона изображаются как вещие птицы.

Втора — вторая скрипка.

Геркулес — герой древнегреческих легенд, прославившийся необычайной силой; в переносном смысле — силач.

Голик — веник без листьев.

Гурт — стадо, пригоняемое на продажу или на убой.
Гуслист — играющий на гусях, поющий под их звуки.

Делов — редкий случай употребления краткой формы прилагательного «деловой».

Достальнойной — последний, оставшийся.

Досужест — ловкость, способность, умение.

Жило — жилое место, селение.

Зевс (Зевес) — главный бог у древних греков, властелин мира.

Зефир — легкий и теплый ветер.

Исполать (греч.) — хвала тебе, слава тебе.

Капище — языческий храм.

Кесарь — повелитель, властитель, царь.

Клепать — клеветать, оговаривать.

Колымага — старинный тяжелый экипаж.

Крез — богач (по имени лидийского царя Креза, жившего в IV веке до н. э. и прославившегося своим несметным богатством).

Кунсткамера — старинное название музея, в котором собраны различные редкости и диковинки.

Лицеприязнь — пристрастие, несправедливое предпочтение одного лица другому.

Льзя — можно.

Меркурий — у древних римлян бог торговли, исполнявший в то же время роль вестника богов.

Мидас — легендарный фригийский царь. При состязании в игре на лире между богом искусств Аполлоном и пастушеским богом Паном отдал предпочтение последнему. Разгневанный Аполлон наделил его за это ослиными ушами.
«Мидасов суд» — суд невежлы, ничего не понимающего в искусстве.

Музы — у древних греков девять богинь-сестер, покровительствовавших искусствам и наукам.

Наяды — у древних римлян богини источников и рек.

Нептун — у древних римлян бог моря.

Омир — Гомер; древнегреческий поэт, которому приписывается создание двух эпических поэм: «Одиссея» и «Илиада». Комар «становится Омиром» — то есть, подобно Гомеру, прославлявшему подвиги героев, прославляет свою победу.

Оракул — у древних греков возвеститель воли богов, предсказатель.

Орест — в древнегреческих легендах сын героя Агамемнона, выросший вместе со своим двоюродным братом Пиладом и связанный с ним узами крепкой дружбы, вошедшей в поговорку.

Откупщик — предприниматель, сделавший определенный взнос в казну и получивший за это право пользоваться всеми доходами от торговли водкой, табаком, рыбной ловли и т. п. Система откупов существовала в России до 1861 года, и откупщики наживали огромные деньги.

- Парнас** — гора в Греции, на вершине которой, по древнегреческим легендам, жили музы (см. *Музы*).
- Пегас** — в древнегреческих сказаниях крылатый конь, символ поэтического вдохновения.
- Печи** — церковнославянская форма глагола «печь».
- Пилад** — см. *Орест*.
- Платон** — древнегреческий философ, живший в V—IV веках до н. э.
- Плутон** — у древних греков бог подземного мира, жилища теней умерших.
- Полугар** — сорт водки.
- Понеже** — потому что.
- Почто** — для чего, зачем, почему.
- Приказ** — старинное название правительственного учреждения.
- Прилика** — улика, доказательство вины или преступления.
- Прима** — первая скрипка.
- Приятство** — приятность.
- Пробавиться** — не иметь нужды, обойтись без чего-либо.
- Раденье** — старанье.
- Разведаюсь** — разделаюсь.
- Размучен** — измучен, подвергнут продолжительным мучениям.
- Рим** — в древности столица Римского государства. В древнеримской истории рассказывается о том, как гуси своим криком обратили внимание стражи на врагов, подкрававшихся ночью к Капитолию (городской крепости), и тем спасли Рим.
- Рыдван** — старинный экипаж, тяжелый и неуклюжий.
- Сатрап** — в древней Персии высший чиновник; сатрапы грабили области, которыми управляли, и отличались жестокостью.
- Сговорить** — объявить женихом и невестой.
- Сибарит** — изнеженный, живущий в роскоши человек.
- Случай** — милость при дворе; попасть в случай — оказаться в милости при дворе, у начальства.
- Смоленский князь** — Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (1745—1813), великий русский полководец, главнокомандующий армией в Отечественной войне 1812 года. За победы над Наполеоном получил титул князя Смоленского.
- Смышлять** — промыслять, искать, добывать.
- Содом** — легендарный город в Палестине, который за распущенность жителей был якобы сожжен упавшим с неба огнем и провалился в бездну; в переносном смысле — бесчинство, спор, брань, крик, гам, беспорядок.
- Тактик** — знающий тактику, искусство руководить войсками в бою, умело передвигать их, пользоваться условиями местности для обороны или нападения.
- Тароватый** — щедрый.
- Тучегонитель** — одно из наименований Юпитера (см. *Юпитер*).
- Укромонный** — укромный.
- Ухитить** — приготовить жилье к зиме, проконопатить стены мохом, защитить от стужи.
- Финнам** — благоуханье, дым от сжигания душистой смолы.
- Фортуна** — у древних римлян богиня счастья.

Челобитье — встарину подача письменного прошения.

Честить — бранить.

Эак — по верованиям древних греков, один из трех строгих судей в подземном мире, судивших души умерших.

Юнона — у древних римлян богиня неба, жена Юпитера (см. Юпитер).

Юпитер — главный бог древних римлян, творец мира, властелин неба, повелевающий тучами, громом и молнией.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ БАСЕН

Апеллес и Осленок	86	Змея и Овца	99
Бедный Богач	110	Камень и Червяк	74
Белка («В деревне, в праздник, под окном...»)	118	Квартет	61
Белка («У Льва служила Бел- ка...»)	108	Клеветник и Змея	81
Бритвы	109	Комар и Пастух	76
Булат	112	Кот и Повар	50
Бумажный Змей	63	Котенок и Скворец	102
Вельможа	123	Кошка и Соловей	104
Водопад и Ручей	117	Крестьяне и Река	70
Волк и Волчонок	48	Крестьянин в беде	46
Волк и Журавль	88	Крестьянин и Змея («К Кре- стьянину вползла Змея...»)	91
Волк и Кот	116	Крестьянин и Змея («Когда по- чтен быть хочешь у лю- дей...»)	96
Волк и Кукушка	40	Крестьянин и Лисица	53
Волк и Лисица	63	Крестьянин и Овца	100
Волк и Мышонок	101	Крестьянин и Работник	41
Волки и Овцы	119	Крестьянин и Разбойник	68
Волк и Пастухи	84	Крестьянин и Смерть	76
Волк на псарне	33	Крестьянин и Собака	120
Волк и Ягненок	22	Крестьянин и Топор	77
Ворона	105	Кукушка и Орел	109
Ворона и Курица	16	Кукушка и Петух	122
Ворона и Лисица	15	Купец	112
Вороненок	42	Ларчик	17
Воспитание Льва	54	Лебедь, Щука и Рак	64
Голик	100	Лев	117
Гребень	84	Лев и Барс	28
Гуси	56	Лев и Волк	77
Два Мальчика	121	Лев и Комар	51
Два Мужика	102	Лев и Лисица	79
Две Бочки	86	Лев и Мышь	122
Две Собаки	103	Лев на ловле	69
Демьянова уха	72	Лев состаревшийся	107
Дерево	55	Лжец	36
Добрая Лисица	71	Лиса	119
Заяц на ловле	38	Лиса-строитель	83
Зеркало и Обезьяна	75	Лисица и Виноград	91
Змея	115		

Лисица и Осел	97	Петух и Жемчужное Зерно	40
Лисица и Сурок	34	Прохожие и Собаки	35
Листы и Корни	62	Пруд и Река	65
Любопытный	69	Пустынный и Медведь	66
Лягушка и Вол	17	Пушки и Паруса	113
Лягушка и Юпитер	83	Пчела и Мухи	89
Лягушки, просящие Царя	27	Разборчивая невеста	18
Мальчик и Червяк	92	Раздел	32
Мартышка и Очки	25	Роша и Огонь	21
Медведь в сетях	92	Ручей	33
Медведь у Пчел	74	Рыбья пляска	105
Мельник	95	Свинья	57
Мирон	114	Свинья под Дубом	96
Мирская сходка	72	Синица	24
Мор зверей	29	Скворец	64
Музыканты	16	Скупой и Курица	85
Муравей	90	Слон в случае	80
Муха и Дорожные	58	Слон и Моська	48
Муха и Пчела	98	Слон на воеводстве	43
Мышь и Крыса	73	Собака	60
Обезьяна	49	Собака и Лошадь	114
Обезьяны	23	Собака, Человек, Кошка и Со- кол	78
Обоз	42	Собачья дружба	31
Овцы и Собаки	91	Совет Мышей	94
Огородник и Философ	51	Соловьи	99
Оракул	20	Стрекоза и Муравей	36
Орел и Крот	60	Тришкин кафтан	66
Орел и Куры	26	Трудолюбивый Медведь	93
Орел и Паук	59	Туча	80
Орел и Пчела	38	Филин и Осел	115
Осел	24	Фортуна и Нищий	81
Осел и Мужик	88	Хмель	79
Осел и Соловей	44	Хозяин и Мыши	47
Откушник и Сапожник	45	Цветы	68
Охотник	87	Чиж и Голубь	74
Парнас	19	Щука	108
Пастух	118	Щука и Кот	39
Паук и Пчела	97		
Пестрые Овцы	106		

СОДЕРЖАНИЕ

<p><i>И. Халтурин.</i> Иван Андреевич</p> <p>Крылов . . . . . 3</p> <p>Ворона и Лисица . . . . . 15</p> <p>Музыканты . . . . . 16</p> <p>Ворона и Курица . . . . . —</p> <p>Ларчик . . . . . 17</p> <p>Лягушка и Вол . . . . . —</p> <p>Разборчивая невеста . . . . . 18</p> <p>Парнас . . . . . 19</p> <p>Оракул . . . . . 20</p> <p>Роща и Огонь . . . . . 21</p> <p>Волк и Ягненок . . . . . 22</p> <p>Обезьяны . . . . . 23</p> <p>Синица . . . . . 24</p> <p>Осел . . . . . —</p> <p>Мартышка и Очки . . . . . 25</p> <p>Орел и Куры . . . . . 26</p> <p>Лягушки, просящие Царя . . . . . 27</p> <p>Лев и Барс . . . . . 28</p> <p>Мор зверей . . . . . 29</p> <p>Собачья дружба . . . . . 31</p> <p>Раздел . . . . . 32</p> <p>Волк на псарне . . . . . 33</p> <p>Ручей . . . . . —</p> <p>Лисица и Сурок . . . . . 34</p> <p>Прохожие и Собаки . . . . . 35</p> <p>Стрекоза и Муравей . . . . . 36</p> <p>Лжец . . . . . —</p> <p>Орел и Пчела . . . . . 38</p> <p>Заяц на ловле . . . . . —</p> <p>Щука и Кот . . . . . 39</p> <p>Волк и Кукушка . . . . . 40</p> <p>Петух и Жемчужное Зерно . . . . . —</p> <p>Крестьянин и Работник . . . . . 41</p> <p>Обоз . . . . . 42</p> <p>Вороненок . . . . . —</p> <p>Слон на воеводстве . . . . . 43</p> <p>Осел и Соловей . . . . . 44</p> <p>Откупщик и Сапожник . . . . . 45</p>	<p>Крестьянин в беде . . . . . 46</p> <p>Хозяин и Мыши . . . . . 47</p> <p>Слон и Моська . . . . . 48</p> <p>Волк и Волчонок . . . . . —</p> <p>Обезьяна . . . . . 49</p> <p>Кот и Повар . . . . . 50</p> <p>Лев и Комар . . . . . 51</p> <p>Огородник и Философ . . . . . —</p> <p>Крестьянин и Лисица . . . . . 53</p> <p>Воспитание Льва . . . . . 54</p> <p>Дерево . . . . . 55</p> <p>Гуси . . . . . 56</p> <p>Свинья . . . . . 57</p> <p>Муха и Дорожные . . . . . 58</p> <p>Орел и Паук . . . . . 59</p> <p>Собака . . . . . 60</p> <p>Орел и Крот . . . . . —</p> <p>Квартет . . . . . 61</p> <p>Листы и Корни . . . . . 62</p> <p>Волк и Лисица . . . . . 63</p> <p>Бумажный Змей . . . . . —</p> <p>Лебедь, Щука и Рак . . . . . 64</p> <p>Скворец . . . . . —</p> <p>Пруд и Река . . . . . 65</p> <p>Тришкин кафтан . . . . . 66</p> <p>Пустынный Медведь . . . . . —</p> <p>Цветы . . . . . 68</p> <p>Крестьянин и Разбойник . . . . . —</p> <p>Любопытный . . . . . 69</p> <p>Лев на ловле . . . . . —</p> <p>Крестьяне и Река . . . . . 70</p> <p>Добрая Лисица . . . . . 71</p> <p>Мирская сходка . . . . . 72</p> <p>Демьянова уха . . . . . —</p> <p>Мышь и Крыса . . . . . 73</p> <p>Чиж и Голубь . . . . . 74</p> <p>Камень и Червяк . . . . . —</p> <p>Медведь у Пчел . . . . . —</p> <p>Зеркало и Обезьяна . . . . . 75</p>
--	--

Комар и Пастух	76	Голлик	100
Крестьянин и Смерть	—	Крестьянин и Овца	—
Крестьянин и Топор	77	Волк и Мышонок	101
Лев и Волк	—	Два Мужика	102
Собака, Человек, Кошка и Со- кол	78	Котенок и Скворец	—
Лев и Лисица	79	Две Собаки	103
Хмель	—	Кошка и Соловей	104
Слов в случае	80	Рыбья пляска	105
Туча	—	Ворона	—
Клеветник и Змея	81	Пестрые овцы	106
Фортуна и Нищий	—	Лев состаревшийся	107
Лягушка и Юпитер	83	Белка («У Льва служила Бел- ка...»)	108
Лиса строитель	—	Щука	—
Волк и Пастух	84	Кукушка и Орел	109
Гребень	—	Бритвы	—
Скупой и Курица	85	Бедный богач	110
Две Бочки	86	Булат	112
Апеллес и Осленок	—	Купец	—
Охотник	87	Пушки и Паруса	113
Осел и Мужик	88	Мирон	114
Волк и Журавль	—	Собака и Лошадь	—
Пчела и Муха	89	Филин и Осел	115
Муравей	90	Змея	—
Крестьянин и Змея («К кре- стьянину вползла Змея...»)	91	Волк и Кот	116
Лисица и Виноград	—	Водопад и Ручей	117
Овцы и Собаки	—	Лев	—
Медведь в сетях	92	Пастух	118
Мальчик и Червяк	—	Белка («В деревне, в праздник, под окном...»)	—
Трудолюбивый Медведь	93	Лиса	119
Совет Мышей	94	Волка и Овцы	—
Мельник	95	Крестьянин и Собака	120
Крестьянин и Змея («Когда по- чтен быть хочешь у лю- дей...»)	96	Два мальчика	121
Свянья под Дубом	—	Лев и Мышь	122
Паук и Пчела	97	Кукушка и Петух	—
Лисица и Осел	—	Вельможа	123
Муха и Пчела	98	<i>Н. Ашукин. Объяснение непо- нятных слов, исторических и мифологических имен . . . . .</i>	124
Змея и Овца	99	Алфавитный указатель басен	128
Соловья	—		